

СОРА
НАУМОВА

МАРИЯ
ДУБИНИНА

СЕРЕБРЯНЫЙ
ЗМЕЙ
В КОРНЯХ
СОСНЫ

2

NoSugar. Легенды змея

Мария Дубинина

**Серебряный змей
в корнях сосны – 2**

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дубинина М.

Серебряный змей в корнях сосны – 2 / М. Дубинина —
«Издательство АСТ», 2024 — (NoSugar. Легенды змея)

ISBN 978-5-17-160164-5

В полном чудес и опасностей мире для юных экзорцистов всегда найдется дело. Ученики трех великих школ оммёдо продолжают погоню за своим одержимым другом, а меж тем над империей Ямато сгущаются тучи. Мацумото Хизаши ясно видит — их с Кентой жизни находятся в самом центре темного водоворота. Разгораются костры Ёми, к людям готовится прийти ложный бог, и прошлое накладывается на настоящее, тревожа память и сердце. Хизаши ведут вперёд стыд и вина, однако конец у выбранного им пути может оказаться спуском в бездну. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160164-5

© Дубинина М., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Список действующих лиц[1]	6
Система времени	8
Календарь	9
Смятение	18
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сора Наумова, Мария Дубинина

Серебряный змей в корнях сосны – 2

© Наумова С., Дубинина М., 2024

© Рассин, иллюстрации, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Список действующих лиц¹

Главные герои

- МАЦУМОТО ХИЗАШИ – ученик школы Дзисин, змей-оборотень, проклятый богами и ставший человеком.
- КУМАТАНИ КЕНТА – ученик школы Дзисин, его духовное оружие – меч по имени Има.
- УЧИДА ЮДАЙ – ученик школы Фусин, его духовное оружие – нагината по имени Кэйдо.
- МАДОКА ДЖУН – ученик школы Дзисин, его духовное оружие – меч по имени Каёку.
- САСАКИ АРАТА – изначально ученик школы Дзисин, его духовное оружие – меч по имени Цубамэ.
- МОРИКАВА ДАЙКИ – учитель в школе Дзисин, его духовное оружие – меч по имени Рендзё.
- САКУРАДА ТОШИНОРИ – учитель в школе Дзисин, его духовное оружие – меч по имени Гэкко.
- НИИХАРА – старый наставник в Дзисин.

Смятение.

Огни в дождливой ночи

- БАТАРУ – ёкай-хитобан, живущий в лесу возле горы Тэнсэй.

Разочарование.

Рёкан с призраками

- ФУДО – слуга Учиды Юдая.
- ГОСПОЖА АСАМИ – хозяйка рёкана «Нэкоджита»
- МИНОРИ – старшая дочь госпожи Асами.
- МИЮКИ – вторая дочь госпожи Асами.
- МОМОКО – третья дочь госпожи Асами.
- МИХО – младшая дочь госпожи Асами.
- ЧИЁКО – временная служанка в рёкане «Нэкоджита».

¹ Здесь и далее примечания авторов: для японских имен действует следующий порядок – сначала фамилия, потом имя

Жертвенность.

Рассвет на красной горе

- ХАНАБЭ-САН – вдова из усадьбы на горе.
- ЮКИ – погибший сын Ханабэ-сан.
- ТОРУ – парень из деревни Янаги.
- УВАБАМИ – белая змея-оборотень, посланница богов.

Система времени

ЧАС ОБЕЗЬЯНЫ – С 3 ДО 5 ДНЯ.
ЧАС КУРИЦЫ – С 5 ДО 7 ВЕЧЕРА.
ЧАС ПСА – С 7 ДО 9 ВЕЧЕРА.
ЧАС СВИНЬИ – С 9 ДО 11 ВЕЧЕРА.
ЧАС МЫШИ – С 11 ДО 1 ЧАСА НОЧИ.
ЧАС БЫКА – С 1 ДО 3 НОЧИ.
ЧАС ТИГРА – С 3 ДО 5 УТРА.
ЧАС КРОЛИКА – С 5 ДО 7 УТРА.
ЧАС ДРАКОНА – С 7 ДО 9 УТРА.

Календарь (названия месяцев, принятые в книге)

ЯНВАРЬ – МИТСУКИ – месяц гармонии, месяц пионов.

ФЕВРАЛЬ – КИСАРАГИ – месяц, когда надевают много одежд, месяц камелии.

МАРТ – ЯЁЙ – месяц произрастания, месяц сливы.

АПРЕЛЬ – УДЗУКИ – месяц дейции, месяц сакуры.

МАЙ – САТСУКИ – месяц рисовых посевов, месяц глицинии.

ИЮНЬ – МИНАДЗУКИ – месяц без дождей, месяц гортензий.

ИЮЛЬ – ФУМИДЗУКИ – месяц литературы, месяц лотосов.

АВГУСТ – ХАДЗУКИ – месяц опадающих листьев, месяц космеи.

СЕНТЯБРЬ – НАГАТСУКИ – месяц длинных ночей, месяц хризантем.

ОКТАБРЬ – КАННАДЗУКИ – месяц без богов, месяц георгинов.

НОЯБРЬ – СИМОТСУКИ – месяц заморозков, месяц кленов.

ДЕКАБРЬ – СИВАСУ – месяц окончания дел, месяц увядания.

«Черный человек сказал, что ждет своего Ясухиро».

Эта фраза преследовала Хизаши, заползала в голову при каждом моменте слабости, стоило потерять бдительность, и пускала корни, отравляя разум и тело, как ядовитый плющ.

Кто ты такой, Ясухиро? Почему твое имя отдается холодом в кончиках пальцев и сосущей пустотой в желудке? Хизаши задавал эти вопросы, но некому было дать на них ответы, потому что сам он их не знал. И, возможно, не хотел бы знать.

Ёкаи указали направление, а Учида, обладающий отличной памятью и хранящий в голове массу знаний, которыми Фусин пичкала своих адептов в надежде однажды пошатнуть лидерство Дзисин, извечных соперников, рассказал, какие города и крупные деревни лежат на их пути. Названия ничего не говорили Хизаши, пока не была известна цель «Кенты». Он мог пойти этой дорогой по прихоти, им не узнать правды, не спросив напрямую. Так думал Хизаши, но страх снова заглянуть в ставшие такими чужими глаза нарастал с каждым пройденным ри².

Учида назвал деревню, куда надо попасть к ночи, чтобы не спать под открытым небом. Пришлось идти через лес – время не терпело, но лошадей неоткуда было взять. Повезло, что кичунэ показывала Арате тайные тропки, которые вели наикратчайшим путем. Месяц кисараги подходил к концу, днем зимние ветра уже не дули с такой силой, и природа постепенно готовилась к весне, но вот с наступлением темноты не по себе делалось даже Учиде, из них троих менее всего чувствительному к дорожным лишениям. А Хизаши мерз, и на ум, как назло, приходили теплые воспоминания о жарком лете, когда они впервые отправились на задание в Суцумэ, об изводящей духоте пыльной дороги в сторону деревни Янаги и прохладе речной воды, к которой он бы и не приблизился, если бы не Куматани Кента... Почему-то самые луч-

² Ри – историческая японская мера длины, равная примерно 4 км.

шие воспоминания с течением времени начинали казаться вымыслом – будто бы Хизаши все придумал, чтобы оправдать себя. И чтобы однажды сказать – а ведь бывало неплохо, да? Я же не всегда притворялся.

– Надо останавливаться, – услышал он тихий голос Араты. – Нет смысла идти дальше сейчас.

– Ты устал? – недовольно спросил Учида.

– Нет, но...

Хизаши зыркнул на них исподлобья, и Арата замахал руками.

– Нет, нет! Я не думаю, что Мацумото-сан устал, просто он выглядит нездоровым. Не лучше ли экономить силы? От нас может потребоваться вся наша энергия.

«Когда мы догоним Кенту».

– Не надо обо мне печься, – огрызнулся Хизаши. – Я вполне могу идти еще хоть до утра.

На самом деле он и правда начал отставать – в основном усталость была духовной, но и от холода пасмурного дня под сенью мрачных деревьев тело знобило, и промокшие таби³ совсем не грели натруженных ступней. К тому же из-за туч стемнело раньше положенного, и промозглый воздух драл горло.

– Хорошо, на сегодня остановимся здесь и отдохнем, – решил Учида и скинул нагинату с плеча, упирая пяткой в землю.

– Некогда отдыхать! – сорвался Хизаши и испуганно округлил глаза. Он не собирался кричать, просто так вышло. – Ты сам говорил, надо к ночи добраться до человеческого жилья.

Учида прищурился.

– Давно ты стал прислушиваться к моим словам?

Хизаши промолчал.

– Надо согреться и просушить ноги, – рассудил Юдай. – Идти впотьмах по лесу – плохая затея. Разведем огонь и выпьем теплого сакэ. Это согреет изнутри.

Так и поступили. Сасаки с Учидой присмотрели место под раскидистой кроной, собрали лапника, укрыли одеялами, развели костер и достали еду. Хизаши не участвовал ни в чем из этого, хмурой тучей держась в отдалении, погруженный в невеселые думы. Ему казалось, что стоит ответить всего на один, такой вроде бы простой, вопрос, и все встанет на свои места. Он сразу же найдет способ вернуть Куматани.

Кто такой Ясухиро?

Враг он им или союзник? Но он точно был знаком тому, в кого превратился Кента, и их связывало нечто большее, чем даже самая близкая дружба. Хизаши чувствовал между ними родственную связь, и это только сильнее все запутывало. Скорее всего, загадочный Ясухиро давным-давно мертв и ничем не может им помочь.

– Эй, Мацумото! – позвал Юдай. – Давай ешь и пей, иначе станешь нас задерживать.

Он протянул Хизаши фляжку, и тот, морщась от запаха, сделал глоток. Жидкость приятно согрела гортань, стекла в желудок и расцвела огненным цветком. Сасаки поделился частью той пищи, что собрала для них Чиёко, и под уютный треск костра Хизаши понял: снова придется заводить долгий рассказ. Но прежде чем он решил, с какой еще неприятной правды начать, заговорил Арата:

– Может ли быть, что черный страшный человек, увиденный тэ-но мэ⁴, – это не Кента-кун? Я раньше срока покинул Дзисин, но мне все еще сложно представить, что такое могло произойти с ним...

³ Таби – традиционные японские носки высотой до лодыжки с отделенным большим пальцем, таби носят с гэта и другой традиционной обувью.

⁴ Тэ-но мэ – безглазый дух убитого слепца.

Из темноты возникла молодая лисица и свернулась рядом со своим человеком, будто в утешение привалившись к нему пушистым боком и обвив хвостом.

– У меня нет сомнений, это Куматани, – сказал Учида, потирая запястья, изуродованные стальной паутиной. – Не важно, Фусин, Дзисин или Кёкан, все мы знаем, что одержимость делает с людьми, даже с самыми хорошими и порядочными.

Хизаши стиснул кулаки, все в нем восставало против слов Юдая, но он был прав.

– Этот демонический меч и впрямь силен, – согласился Арата и погладил кицунэ между вздрагивающих ушей.

– Невероятно силен, – глухо подтвердил Хизаши.

– Он помог бы тебе скинуть смертную оболочку, правильно? Почему ты так в этом уверен?

– Потому что... – начал было Хизаши и вдруг замолчал. Потому что так ему предсказали? Гадатели, которые, как они недавно выяснили, преследовали какие-то свои цели и поклонялись никому не известному богу. И Хизаши почувствовал себя таким невероятно глупым, что захотелось ударить себя по лицу.

– Мацумото, ты уже и сам все понял, – добил фусинец. – Ведь тебя попросту использовали.

Хизаши едва слышал его голос сквозь яростный шум в ушах. Гнев, подобный которому он испытывал лишь несколько раз в жизни, выжигал изнутри, заставляя энергию ки трескучими волнами окутывать напряженное тело. И кто знает, что бы он сделал, если бы не ледяной тон Учиды:

– Найдем их и заставим ответить. Наказание неизбежно.

Наказание неизбежно. Хизаши повторил это про себя несколько раз. Наказание неизбежно – и он однажды его получит, теперь уже за дело.

– Нам стоит отдохнуть перед завтрашним днем, – мягко напомнил Арата. – Мы нужны Кенте. Он еще жив, еще там, в плену своего тела. Понимаете? Не надо думать о наказании. Надо думать о спасении.

Кицунэ подняла треугольную голову и сонно моргнула. Ее розовый шершавый язык мелькнул меж белоснежных зубов, когда она широко зевнула. Сквозь прорехи облаков проник холодный свет звезд, отразившийся в янтарных лисьих глазах. Ей не было дела до трудностей людишек, она просто шла за Сасаки, и это все, что ее интересовало. Хизаши понимал ее мысли, но разделить их уже не мог. Грань была преодолена – когда, он и не заметил. Просто начал ощущать себя не змеем в теле человека, а человеком со змеем внутри. И так хотелось обсудить это с Кентой, по-настоящему, открыто, как с другом, дорожке которого нет на всем белом свете. Одиночество – это и впрямь больно.

С таким желанием Хизаши и заснул, пристроившись в опасной близости от затухающего костра.

Еще перед рассветом они почувствовали далекий отголосок дыма.

Хизаши проснулся мгновенно, Сасаки не было, а Учида собирал вещи. Холод раннего утра делал воздух прозрачным и звенящим, пепел в кострище давно остыл, как и руки Хизаши, которые он пытался согреть дыханием, зябко потирая друг о друга.

– Где Сасаки?

– Повел свою кицунэ проверить, откуда запах.

Но, судя по напряженной челюсти и чересчур резким движениям, Учида уже догадывался, какие новости принесет Арата. Догадывался и Хизаши, ведь его обоняние острее, и он вполне способен отличить запах горящего леса от пожара в человеческом жилище. Хорошо это или нет, но ночевка под открытым небом могла по чистой случайности спасти им жизни.

Хизаши не стал мешать Учиде сворачивать лагерь, тревожно вглядываясь в ту сторону, откуда доносился страшный запах.

– Похоже, мы не дошли до выхода из леса всего ничего, – сказал он.

– Значит, такова судьба, – уверенно произнес Учида. – Я не знаю, какие мысли бродят в твоей голове после встречи с итако, но мне не нравится, что они могут помешать тебе, когда мы догоним Кенту.

– Помешать сделать что? – прямо спросил Хизаши.

– Остановить его, если потребуется.

Хизаши удивленно вскинулся.

– Ты же не думаешь, что я снова стану сражаться с Кентой?!

– А ты уверен, что он послушает хоть кого-то из нас? Даже тебя?

Жестокие слова камнем упали в чистом лесном воздухе, рождая рябь. Или это просто потемнело в глазах у Хизаши.

– Разговоры не помогут, – уже немного мягче, насколько он вообще умел, добавил Учида. – Не обманывайся. Чтобы спасти Кенту, нужна сила и решительность. И не думал, что когда-то смирюсь с этим, но нам понадобится именно твоя сила и твоя решительность, Мацумото.

– Почему?

Учида не ответил, поднял взгляд, а следом и Хизаши почувал приближение Сасаки и его лисы. Юноша вышел из-за деревьев, смурной и бледный, с собой он принес едкий запах, который ни с чем не спутаешь, если хоть раз сталкивался с ним.

Хизаши сталкивался.

– Я не стал подходить ближе, но тут совсем рядом деревня, – сказал Сасаки и потер кончик носа. – Если честно... У меня дурное предчувствие.

– Идем и проверим, – решил Учида.

Они двинулись без лишних разговоров, и каждый в глубине души знал, что придет не в деревню, а на кладбище. Хизаши гнал от себя тревогу, цепляясь за то, что не так уж давно презирал, – за надежду. И больше не страдал от холода, хоть утро и выдалось едва ли не позимнему свежим, и не жаловался на боль в ногах. Тропы не было, но кицунэ уверенно вела их между деревьями, то появляясь, то растворяясь в воздухе мерцающей дымкой. Наконец показался просвет, и еще с опушки стало понятно, что им не встретятся живые – над раскинувшейся под невысоким холмом деревней стелился сизый дымок вчерашнего пожара. На этот раз первым сдвинулся с места Хизаши, он чуть ли не бегом спустился с пригорка и оказался возле темного остова дома, покрытого сажей. Сгорело почти все, начиная с крыши. Он провел пальцем по слою жирного пепла и сразу ощутил темную энергию. Она смешивалась с дымом и запахом горелой плоти и крови, впитавшейся за ночь в землю.

– Разойдемся, – скомандовал Учида, Арата с лисой подчинились, а Хизаши упрямо встретил тяжелый взгляд фусинца.

– Его здесь нет, – сказал Хизаши. – Я бы почувствовал.

– Не сомневаюсь, – без тени насмешки ответил Юдай. – Меня больше волнует вопрос, был ли он здесь.

Хизаши сглотнул, не в силах ни согласиться, ни отрицать, однако Юдай не стал ждать и отправился на обход. В черном, высокий и статный, с прямой спиной и с нагинатой в сильной руке, он удалялся четким шагом, будто такое – весь этот ужас – было для него привычным делом. Так почему же Хизаши вдруг ослабел? Он прожил два века, и смерть пары-тройки десятков человек не должна его трогать.

И снова обман. Плевать на людей, он просто боится признать, что их убил его друг.

Подтверждений тому оказалось достаточно. Хизаши повсюду находил зарубленные тела, убивали с одного удара, рассекая плоть как рыхлый тофу. Юдай опытным взглядом подтвердил, что использовали длинный меч. Например, тати...

Дзайнин.

Арата предложил собрать тела в кучу и сжечь, чтобы дать покой невинным душам, ничем не заслужившим такой смерти.

– Даже после Парада ста духов не остается столько мертвецов, – поразился Арата. – Кому могло понадобиться...

Он замолчал, сообразив, как страшно звучат сейчас эти слова. Кицунэ заскулила, завертелась и, подпрыгнув, превратилась в девушку в ярко-рыжем кимоно.

– Мерзкое, мерзкое, мерзкое место, – закапризничала она, – хочу уйти! Арата! Давай уйдем сейчас же!

Она вцепилась ему в локоть и бросила на Хизаши с Юдаем злобный взгляд. Хвостатая мерзавка недолюбливала их и к тому же явно умела вить из хозяина веревки. Но ни ее милое девичье личико, ни сладкий голосок не могли обмануть оммёджи.

– Уйми свою кицунэ, – велел Юдай раздраженно, на что Аканэ показала ему язык.

– Она просто напугана, – ответил Арата. – Вы разве не чувствуете? Та же демоническая аура, которой заражают ёкаев в последние месяцы. Находиться здесь опасно, особенно для Аканэ-сан. И... для Хизаши.

– Ничего мне не будет, – отмахнулся тот. – Уводи свою лису отсюда, а я задержусь. Хочу проверить святилище.

Арата тихо вздохнул, но не подчинился – остался ждать на месте. Юдай посмотрел туда, откуда еще поднимался дым, на дальнюю окраину поселения. Это все смутно напомнило Хизаши случай из прошлого. Он пока не стал ничего говорить, а просто направился по пустой улице. Учида догнал его и, едва только они ушли достаточно далеко вперед, заговорил:

– Ты выглядишь как человек, который что-то скрывает.

– Надо же, спасибо за добрые слова, – съязвил Хизаши. – Я выгляжу как человек, а не бакэмоно какой-то.

– Не передергивай. Ты вошел в деревню и сразу что-то понял. Почему молчишь? Не доверяешь мне или Сасаки?

Хизаши опустил голову и тут как раз наткнулся взглядом на отрубленную женскую руку. Отсекли ровно, Дзайнин вернул себе прежнюю силу, снова стал смертоносно острым и невероятно жестоким.

– Думаешь, я всем подряд рассказываю, что я проклятый богами хэби, который решил обокрасть экзорцистов? Не считаешь это проявлением крайнего доверия?

Он перестал изучать землю под ногами и обернулся на Юдая. Им в прежние времена не часто доводилось беседовать без взаимных оскорблений и недовольств, но за прошедшие с их встречи в лесной деревеньке Оми дни стало казаться, что они... друзья?

– Прости, но ты все еще ёкай, хоть и выглядишь ничем не отличимо от человека, – безжалостно ответил Учида. – Мне сложно изменить свое мнение за такой срок. Но и прошлое я не могу перечеркнуть одним взмахом кисти. Поэтому не жди от меня признаний. Просто давай спасем Кенту. Вместе.

Они остановились у последнего дома, встав в его мрачной искореженной тени. Удушающе пахло, но не смертью и огнем – этот запах исходил из более глубоких слоев. Зло, свершившееся здесь минувшей ночью, не успело развеяться и висело в воздухе, ощутимое даже простыми людьми. Будто тонкая липкая пленка, что покрывает кожу в душные часы перед грозой, привкус сырой земли во рту. Юдай поморщился.

– Все началось отсюда, – предположил он, и Хизаши согласился.

Они вышли из тени и по тропинке добрались до святилища, по размеру скорее хокора⁵, чем полноценный храм, как тот, что был осквернен в лесу за деревней Суцумэ. Оно высилось на груде камней и представляло собой крохотный домик под двускатной изогнутой крышей,

⁵ **Хокора** – маленькое синтоистское святилище.

где за деревянной решеткой обычно помещали изображение ками или ритуальный предмет. Сейчас же она была оторвана, и внутрь святилища засунута отрубленная человеческая голова. Но хуже другое – внизу, у каменного постамента, стоял закрытый деревянный короб. В нем не было ничего ужасного, но Хизаши невольно попятился прочь.

– Что это? – не понял Юдай, и Хизаши едва успел перехватить его запястье, не позволив подойти слишком близко к... этому.

А тут как раз раздался звон колокольчиков, и вместе с ним из воздуха появилась кицунэ, уже в своем лисьем облике. Она не говорила, но Хизаши прочитал послание по ее глазам.

– Человек? – переспросил он. – Живой?

Лиса нетерпеливо дернула хвостом. Хизаши поднял голову и увидел, как Сасаки ведет к ним молодого мужчину с растрепанными волосами. Живой человек – это хорошо, это большая удача для них. Хизаши отпустил Юдая, тем более тот передумал совершать необдуманные поступки, и они отошли от святилища встретить Арата.

Но тут незнакомец понял, куда его ведут, и взбунтовался. Арата не успел ничего сделать, как тот с силой оттолкнул его и с безумным воплем кинулся прочь, не разбирая дороги. Хизаши схватился за веер, но человек не успел даже скрыться за руинами домов, когда кицунэ набросилась сверху, придавила, а после еще и прикусила за ногу. Человек перестал вопить, затрясся от ужаса, только заскребли по земле грязные ногти.

– Мы не обидим тебя, – ласково заверил Арата, на ходу отряхивая одежду. – Мы оммёдзи. Аканэ-сан, прошу...

Лиса неохотно подчинилась, выпустила ногу несчастного и, фыркнув, отошла, но на этот раз не исчезла, а пристально наблюдала со стороны, как Арата протягивает человеку руку.

– Как твое имя? Ты живешь в этой деревне? – продолжал он говорить, успокаивая мягким негромким голосом. Почти как Куматани Кента. – Меня зовут Сасаки Арата.

Он помог человеку подняться, и вблизи тот оказался их ровесником, может, младше. Несмотря на застывшую на лице печать ужаса, он был недурен собой, даже хорош.

– Как тебе удалось спастись? Кто напал на деревню? Это был один человек или банда негодяев? – принялся за допрос Юдай. Арата посмотрел на него с неодобрением, а юноша – со страхом.

– Ма... ма... – залепетал он, заикаясь. – Масаши.

– Что Масаши? – подбодрил Арата. – Это твое имя? Тебя зову Масаши?

Тот не отвечал, во все глаза уставившись на оскверненное святилище.

– О... тец?

Хизаши едва не обернулся, но тут же вспомнил, что позади не было ничего, кроме отрубленной головы внутри алтаря. По спине пробежал холодок.

Масаши упал на колени и тихо заплакал. Дорожки слез размазывали по щекам копоть и грязь, он не вытирал их, словно в теле закончились силы, и он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Сасаки опустился на одно колено рядом с ним и погладил по спине. Больше он не говорил, наверное, не знал, какие слова способны помочь, и есть ли такие вообще.

Хизаши шагнул вперед и ткнул в юношу сложенным веером.

– Если не расскажешь, что здесь произошло, душа твоего отца навсегда останется скитаться в поисках отмщения, пока не станет злым духом, и экзорцисты, может быть, даже кто-то из нас, не изгонит ее или не развеет навсегда. Ты этого хочешь, Масаши? Такой ты сын?

Тот замотал головой.

– Тогда говори! Кто убил твоих односельчан? Как тебе удалось уцелеть?

Мутный взгляд остановился на нем, и юноша, запинаясь, произнес:

– Эт... то был... страшный ч... человек. Темный ч... человек с меч... чом.

Хизаши тяжело сглотнул. Взгляд Юдая буравил спину, а вот Арата, напротив, отвернулся, избегая смотреть прямо, ведь только что подтвердилось самое ужасное.

Кента стал убийцей.

Масаши с трудом, но поведал о том, как все произошло.

Вечером, когда на деревню упали густые сумерки и люди уже укладывались спать, чтобы с утра подняться пораньше, как заведено, со стороны леса показался человек. Он искал ночлега и еды, и отчего-то никто не решился отказать ему. Да и как прогнать уставшего путника на ночь глядя? Он был один, и пусть длинный меч, замотанный в ткань, внушал опасения, человеку позволили остаться и выделили место в амбаре, где была крыша, чтобы не спать под открытым небом, и старая солома, чтобы не страдать от ночного холода.

Масаши хорошо помнил тот момент, когда проснулся среди ночи от яркого света. Луна шла на убыль, да и с вечера собирались облака. Так что же это на странный голубоватый свет, танцующий за мутной пленкой единственного окошка?

– И никто не кричал? Не звал на помощь? – усомнился Юдай.

– Нет, господин. Когда я проснулся, б... было уже поздно.

Масаши вышел на улицу и в пляшущих отсветах синего пламени, охватившего все дома в деревне, увидел фигуру чужака с длинным обнаженным мечом, с которого капала кровь. Этот образ навечно засел у него в голове. Чужак отвернулся, и в тот же миг росчерк меча рассек здорового Ацуши – Масаши считал его самым сильным человеком на свете, – выпуская наружу кишки. Кровь залила убийцу, пропитывая одежду. Тело мертвого Ацуши повалилось ему под ноги, и чужак переступил через него и пошел дальше.

Было тихо. Так странно тихо, что Масаши казалось, он оглох. Не трещало колдовское пламя, в котором исчезали дома вместе с не успевшими проснуться и спастись людьми, а тех, кто выбегал, беззвучно раскрывая рты, ждала незавидная участь. Тогда Масаши кинулся к святилищу. Не может быть, чтобы ками оставил их без защиты! Он упал на колени перед ним, но в клетке для подношений бушевало все то же синее пламя. Ужас охватил Масаши, он вскочил и побежал прочь, пока не оказался лицом к лицу с залитым кровью человеком. Его меч был направлен в землю, однако Масаши чувствовал, что скоро умрет. Тело застыло, не хотелось ни бежать, ни бороться. Глаза чужака были непроглядно черными, будто засасывали в себя весь свет – две мрачные бездны, на дне которых тлели алые угли. Внутри Масаши исходил криком, но вслух не проронил ни единого звука.

– Беги, – велел ему человек с мечом. – Живо!

И Масаши побежал. Прочь от бесполезного святилища, возле которого едва не оборвалась его жизнь, пока не упал без сил в каких-то зарослях, где пролежал до утра, то и дело проваливаясь в сонное оцепенение.

– И ты не видел, куда этот человек ушел? – спросил Хизаши звенящим от напряжения голосом.

Масаши затряс головой, потом замер и неуверенно кивнул.

– П... перед рас... светом приехали эти...

– Кто?

– Про... про... – он вконец потерял дар речи и только испуганно заикался, застряв в самом начале слова. Хизаши хотелось ударить его, но он стиснул пальцы, силой здесь ничего не изменить.

– Прорицатели? – подсказал Юдай. Все удивленно посмотрели на него.

– Да.

– Как ты понял? – удивился Арата, но его перебил Хизаши:

– Снова их след...

– Они пош... шли к святилищу, – продолжил меж тем Масаши. – Потом... потом не помню.

Впрочем, кое-что Масаши все же помнил. О том, как перед уходом из разоренной деревни страшный человек с мечом посмотрел в сторону его укрытия и совершенно точно увидел.

Но не убил.

Троица оммёдзи отошла обсудить услышанное. Тягостное молчание не сразу удалось нарушить, и Учида, кашлянув, хрипло произнес:

– Не нравится мне эта история. Если этому Масаши не привиделось, то Кента пощадил его дважды, но зверски убил всех остальных. Зачем? Ради чего?

– Не называй его Кентой, – потребовал Хизаши. Слышать имя друга сейчас, в окружении мертвецов, было невыносимо.

– А как мне его называть?

– Да хоть демоном.

Арата поднял вверх ладони.

– Пусть будет демон, хорошо? – примирительно сказал он. – Мацумото-сан, подумай, пожалуйста, что это может означать? Из нас ты лучше всех знал Кенту и был к нему ближе прочих.

Учитывая обстоятельства, звучало как изысканная насмешка, только вот защищаться не хотелось. Хизаши постучал веером по раскрытой ладони и вдруг вспомнил.

– Масаши!

– Привести его? – мигом отреагировал Юдай.

– Нет. Просто это имя... Однажды я назывался им, и Кенте это было известно. Возможно, это послание мне. Знак, что Кента все еще жив и пытается освободиться.

– О чем ты? – нахмурился фусинец.

– Потом расскажу, – отмахнулся Хизаши, – сначала откроем ящик.

Он первым ринулся к нему, хотя не так давно останавливал Юдая. Догадка о том, что Кента пытается подавать ему знаки, пользуясь воспоминаниями, которые принадлежали лишь им двоим, придавала сил. Ящик больше не пугал, но как только Хизаши оказался достаточно близко, снова засомневался.

– Этот предмет опасен, – поделился ощущениями Сасаки. – Аканэ-сан говорит, что его нельзя трогать ни смертным, ни бессмертным.

– Я знаю, – ответил Хизаши и взмахом веера заставил грубо сколоченную крышку взмыть в воздух и, перевернувшись, отлететь подальше. Смерд темной энергии тут же просочился наружу, и Хизаши безжалостно опрокинул ящик с помощью ки, доски разошлись, и по земле рассыпалось жуткое содержимое.

– Светлые Kami! – воскликнул Сасаки и прикрыл лицо рукавом. Учида схватился за нагинату, духовное оружие завибрировало, готовое защищать своего хозяина.

Хизаши вспоминал ночь, едва не стоившую им с Кентой жизни и после которой осталось слишком много вопросов. Кажется, спустя два с небольшим года он получит на них ответы.

Взвизгнула кицунэ, тявкнула и заскулила, совсем как обиженная человеком собака. Арата встревоженно обернулся, и в глаза им ударил яркий синий свет, объявший фигуру Масаши. Из широко раскрытого рта не вырывалось крика, но он будто бы звенел в воздухе, скрюченные пальцы раздирали грудь, и там Хизаши вдруг увидел демоническую метку: выжженный в плоти глаз со спиралевидным зрачком и разорванную вертикальную линию по центру. Хизаши перехватил взгляд Юдая и понял, что он тоже ее узнал – такой же рисунок был на груди одичавшей Дзёро-гумо. Тем временем Масаши все-таки смог прорвать странный кокон тишины и с яростным воплем ринулся на них. Метка на груди впиталась в раскаленную докрасна кожу, и Масаши начал стремительно меняться: вытянулись конечности, из приоткрытого рта выползли загнутые клыки, а на щеках появились поперечные раны, которые раскрылись, как жуткие веки, и в них показались бешено вращающиеся зрачки.

Бедняга больше не был человеком, но и демоном он стать не мог. Искореженное быстрым превращением тело доживало свои последние мгновения, все еще охваченное синим холодным пламенем. Оно отражалось в глазах Сасаки, Учиды и в глазах самого Хизаши. Фусинец опомнился и выставил перед собой нагинату, но Масаши превратился в горстку пепла раньше, чем напоролся на острие духовного оружия.

Тихий скулеж напуганной кицунэ нарушил мрачную тишину, повисшую над мертвой деревней – теперь уже мертвой до самого последнего человека. Хизаши подумалось с какой-то веселой обреченностью, что если это и было знаком для него, то только насмешкой, пальцем, погруженным в открытую рану.

– Объяснись, Мацумото! – строго потребовал Юдай. – Мне думается, у тебя больше ответов, чем ты хочешь нам показать.

Арата погладил Аканэ по вздыбленной шерсти, и лиса исчезла. Хизаши чувствовал, что она покинула деревню, и им бы тоже не помешало. Но оставалось незаконченное дело.

– Сначала мы уничтожим это, – он указал на открытый короб, – потом я расскажу вам одну историю ...

Смятение Огни в дождливой ночи

С некоторых пор находиться в одном помещении с Мадоккой стало попросту невыносимо. Казалось, все его мысли заполонило приближение обязательной для младших учеников церемонии Гаппай-но хи, а ведь он и без того приходил в восторг от одного упоминания будущего духовного оружия, а как сумел-таки выбиться из воспитанников в младшие ученики, только об этом и говорил, чем начал выводить из себя даже святую невинность – Сасаки Арату.

– Ты и без духовного оружия скоро сможешь распугивать всю нечисть вокруг одной только бесконечной болтовней, – не выдержал наконец Хизаши, когда частота упоминания Гаппай-но хи превысила все мыслимые и немыслимые пределы. Стремительно близилось время цветения сакуры, и Хизаши был скорее настроен на созерцание красоты, чем на выслушивание одной темы на разный манер. Тем более от Мадокки.

– Как будто ты не ждешь этого дня, – обиженно ответил Мадокка, не представляя себе, насколько ошибается. – Это же... Это событие!

Хизаши спрятал тяжкий вздох в ладони и отвернулся. Этим ранним утром их ученический павильон отвечал за уборку, и все четверо его обитателя усердно подметали дорожки второй площадки горы Тэнсэй – места проживания адептов и наставников. Предраассветный холодок скоро обещал смениться приятным весенним теплом удзуки – месяца цветения сакуры, но пока прочие досыпали оставшееся до начала учебного дня время, приходилось терпеть зябкий ветерок, поглаживающий разомлевшую со сна кожу. Хизаши поёжился и остановился, опершись на метлу.

Минуло почти два месяца с их возвращения из сгоревшего замка Мори. Пережитые там волнения незаметно отошли в прошлое, сменившись утомительными буднями Дзисин с их суровыми тренировками, скучными лекциями и не всегда приятным соседством. Недолго их компания была у всех на слуху. Еще бы, они смогли воочию увидеть священное оружие, выкованное легендарным кузнецом, можно сказать, прикоснулись к чуду, только вот никто и не догадывался, насколько близко это чудо подтолкнуло Хизаши к провалу. Плечо еще ныло, особенно в час Быка, хотя от ожога остался лишь слабо различимый белесый след, под которым, к счастью, невозможно было разглядеть царапину от Тайма-но кэн⁶. Поначалу Хизаши казалось, что Кента странно на него смотрит, но постепенно страх сошел на нет, и все вернулось на круги своя.

В том числе и это ненавистное утреннее дежурство.

– А все-таки, – Мадокка Джун подобрался опасно близко и, поднимая пыль своей метлой, продолжил: – когда я получу меч, мне же надо его как-то назвать. Вот что ты скажешь, Мацумото? Как звучит лучше – Юрэцу или Кахо? Или, может, Тякудзицу?

И в ожидании уставился на Хизаши горящим взглядом, уже наверняка представляя себя на поле битвы с ордой демонов с мечом «Мудрость» в руках. Или «Решительность», или «Надежность». В любом случае, лишней скромностью Мадокка не страдал, у него, по мнению Хизаши, даже необходимого минимума не наблюдалось, что уж говорить об излишке.

– Назови его Тосё⁷, – с усмешкой посоветовал Хизаши.

Мадокка насупил широкие брови, задумался, а потом едва не выронил метелку.

– Ты! Не смей надо мной издеваться! Сам-то как меч назовешь?

⁶ Тайма-но кэн – священное оружие, которым невозможно ранить человека, но можно раз и навсегда изгнать злых духов, акума, ёкаев и даже демонов.

⁷ Тосё – в переводе с японского означает «ничтожность».

– А никак, – ответил Хизаши и лениво махнул метлой, ссылая на только что очищенную Мадоккой территорию ворох опавших за ночь белоснежных сливовых лепестков. – Нужен мне был ваш меч, ха.

Со стороны дальних павильонов показался Куматани. С подвязанными белым пояском рукавами кимоно он больше походил на работника идзакаи, чем на младшего ученика школы оммёдо. Немного раскрасневшись от усердия, он улыбнулся Хизаши.

– Вы закончили? Если да, давайте все вместе поможем Арате... – Его взгляд упал на мусор возле ног Мадокки. – Чем вы двое тут только занимались?

Хизаши закатил глаза, а Джун принялся ябедничать, то и дело срываясь на обсуждение всем надоевшей темы.

– Как ты назовешь свой меч, Кента? – спросил он, пока тот без лишних слов устранял наведенный ими беспорядок.

Куматани пожал плечами и смахнул со лба прилипшую прядку.

– Не знаю. Как-нибудь несложно.

– То есть ты правда еще не придумал? – ужаснулся Мадокка. – Совсем?

– Придумаю на месте, – простодушно ответил Кента. А Хизаши обратил внимание, что во время неизменных разговоров о грядущей церемонии он никогда не высказывался определенно. Радует ли он скорому получению меча или нет, лишь старание, с которым он относился к занятиям с Сакурадой-сенсэем, говорили о том, что он, по крайней мере, хочет быть достойным носить свое духовное оружие. И его успехи даже строгого учителя заставляли расщедриться на похвалу.

После утренней уборки территории все адепты отправлялись на тренировку, чтобы подготовиться к дневным нагрузкам. Хизаши был слишком ленив для такого, но приходилось переступать через себя ради маски примерного ученика, которой он скрывал свою сущность вот уже больше полугода. Тело легко отзывалось на привычные действия: растягивалось, разминая мышцы, вставало в нужные стойки, перетекая из одной в другую с гибкостью змеи. Надлежало при этом поддерживать циркуляцию ки в себе, и самым важным упражнением с утра было гармония и равновесие. Хизаши, стоя на одной ноге со сложенными перед грудью ладонями, порой с трудом подавлял веселье, искоса поглядывая на попытки Мадокки удержать свое массивное, крепко сбитое тело. Видно было, как тяжело проходит в нем поток ки, постоянно нарушаемый его нервным дерганьем.

А вот Кента легко и надолго замирал с закрытыми глазами, и пусть его поток слаб – он надежен, как тонкий лесной ручеек, упорно текущий по извилистому руслу к полноводной реке. Поза Куматани была правильной, хоть и лишенной изящества, как, например, у Сасаки, но незыблемой. И Хизаши уже не раз после возвращения из замка Мори ловил себя на пугающей, холодной, как горные ветра, мысли, что однажды эта скрытая сила окрепнет и обернется против Хизаши.

Без меча и уверенности Кента был лишь забавным мальчишкой, иногда нелепым и смешным, иногда серьезным и до странного... мудрым? Хизаши не понимал его, но начинал думать, что та их встреча у камня в Лисьем лесу не была такой уж случайной.

Закончив заниматься, юноши отправились умываться перед завтраком. Хизаши со вздохом погрузил руки в ледяную воду. Конечно, она придавала его лицу живой румянец, но он бы предпочел оставаться бледным, чем подвергаться этой ежедневной пытке.

Проходя мимо, Мадокка злорадно ткнул его локтем в бок.

– Хороша водичка, да? – спросил он и, хохоча, пошел в трапезную.

– Он не со зла, – успокоил Кента.

– Еще бы, – съязвил Хизаши, – для злого умысла он слишком тупой.

– Так ты же сам его и подначиваешь вечно.

– Я? Поспрашивай обо мне учителей, они заверят, что я идеален.

Куматани ответил ему странной улыбкой.

– Это меня и беспокоит, Хизаши-кун.

Хизаши не нравилось, когда Кента говорил подобные вещи, будто видел его насквозь. Ему вообще не стоило совать свой нос в чужие дела.

– Ты говоришь как старик Ниихара, – отшутился Хизаши. – Это пугает. Не делай так больше.

Куматани ничего не ответил.

В обеденном зале было оживленно, похоже, чем ближе становился день церемонии Гаппай-но хи, тем большее число учеников заражалось от Мадоки восторженным нетерпением. Никто ничего толком не знал. Сэмпай⁸ неохотно делились историями о своем опыте, да и что говорить – в Дзисин иерархия между воспитанниками, младшими и старшими учениками и самими учителями была почти что священной. Тем страннее выглядел Морикава-сэнсэй, читавший им по дороге стихи.

К слову о Морикаве.

Говорят, после ранения он покинул Дзисин и восстанавливался в горном монастыре и к церемонии обещал вернуться. Узнали ученики об этом от Сакурады-сэнсэя, обычно молчаливого, если дело не касалось Морикавы.

– Говорят, в юности они были неразлучны, – проглотив рис, почти не жуя, поделился информацией Мадока. – Хотя кто бы стал дружить с Сакурадой-сэнсэем?

Арата быстро огляделся по сторонам – не прислушивается ли кто-нибудь – и сказал:

– Противоположности притягиваются.

– Как Мацумото и Кента-кун?

Повисла неловкая пауза, и Куматани произнес:

– Не очень хорошо обсуждать жизнь учителей. Давайте доедим и после занятия по кэндзюцу⁹ помедитируем в свободное время.

– Еще чего, – фыркнул Мадока. – В свободное время я лучше вздремну.

– Я с тобой помедитирую, Кента-кун, – сказал Сасаки.

У Хизаши вдруг разболелась голова, делая его еще раздражительнее, чем обычно, и чтобы не швырнуть тарелку с овощами в лицо пустомеле-Джуну, он покрепче сжал палочки для еды.

Впрочем, на него никто не обращал внимания, а когда в зал вошла компания Нобуты, то все без исключения младшие ученики втянули головы, желая стать незаметными. Этот болван, как довольно быстро выяснилось, донимал не только Кенту, которого считал деревенщиной, и Сасаки, всячески высмеивая его слишком хрупкую, немного женственную красоту и физическую слабость, но и находил повод испортить настроение всякому, кто попадался на его пути.

Увы, он не так давно перешел в категорию старших учеников, а значит, считал себя вправе задирать нос.

– Если он что-то тебе скажет... – набычившись, прошептал Мадока, которого вообще никто не рискнул бы задирать, не то что Нобута.

– Все в порядке, – заверил Куматани и, сложив палочки, направился к выходу. Только вот спина выдавала его напряжение – и точно. Только он поравнялся с занимавшими места за столом юношами, как кто-то подставил ему подножку.

– Ай-я! – оскалился Нобута. – Осторожнее надо быть, деревенщина!

Куматани выпрямился и, не обернувшись, пошел дальше. Такого обидчика не ждали. По кивку Нобуты один из парней вскочил и потянулся к плечу Кенты, чтобы остановить, но тот

⁸ **Сэмпай** – дословно «товарищ, стоящий впереди», человек, у которого больше опыта в той или иной сфере. В данном контексте – ученик, который проучился дольше, то есть старший ученик.

⁹ **Кэндзюцу** – древнее японское боевое искусство владения мечом. В переводе с японского означает «искусство меча».

ловко увернулся и поймал его взгляд. Хизаши все прекрасно видел и понял, почему прихвостень Нобуты вдруг передумал устраивать скандал.

– Так их, – обрадовался Мадока и повернулся к Арата. – Идем скорее, хочу узнать, как Кента-кун этого добился. Мне нужна его техника убийственного взгляда.

Арата не особо радостно согласился и выбрался из-за стола. Хизаши продолжал хранить молчание, и все же ему тоже было любопытно, что в Куматани успело настолько измениться, раз это стало заметно не только ему, но и окружающим?

Он закончил есть и без спешки направился следом за товарищами.

На улице повсюду светило весеннее солнце, мягко и ласково дул чуть прохладный ветер с вершины горы, и первые распутившиеся бутоны сакуры радовали взор бело-розовыми крупными цветками. Хизаши втянул носом запах апрельской чистоты и свежести. Дни становились теплее, и больше не нужно было кутаться в шерстяное хаори и прятать пальцы в рукавах. Улыбка тронула губы, и именно в этот момент Куматани вздумалось обернуться.

– Так в чем секрет? – донимал его Мадока, а Куматани смотрел на Хизаши сквозь завесу рассыпавшейся челки так, будто пытался запомнить, и это порождало внутри неприятное чувство тревоги.

– Да, Кента, – подхватил он тогда, подходя ближе, – в чем секрет? Признаться, я ждал, что ты снова начнешь извиняться. Что? Неужели больше не считаешь себя недостойным?

– Эй, за словами следи, – встрял Мадока, но Кента перебил его:

– Я долго думал над тем, что ты тогда мне сказал, Хизаши-кун.

– О чем ты?

– То, что ты произнес в замке Мори после пропажи Морикавы-сэнсэя. «Никогда этого не приму», – сказал ты. Это было совсем не похоже на Мацумото Хизаши, какого все знают. Те слова запали мне в сердце, и я долго не мог понять, что они во мне пробуждают. И вот, кажется, понял.

Глаза Кенты в солнечном свете, проникающем через ветви декоративных вишен и слив, высаженных между жилыми павильонами, казались совсем зелеными, яркими и невероятно глубокими.

– Ты забиваешь себе голову ерундой, – Хизаши попробовал обратить все в шутку, однако не вышло. Не с Кентой.

– И я вдруг подумал, – продолжил он как ни в чем не бывало, – что если даже ты готов бороться вместо меня, так почему я опускаю руки? Я собираюсь стать оммёдзи и экзорцистом с вами. Чего бы мне это ни стоило.

Мадока застыл, ошарашенный откровением, будто священной истиной. Арата мягко улыбался и казалось, что для него все было очевидно с самого начала, а вот Хизаши... Хизаши не знал, как правильно отреагировать на то, что буквально поспособствовал чьему-то просветлению.

Стал вдруг для кого-то причиной идти вперед.

И поэтому он рассмеялся.

– Какая проникновенная речь! Жаль, Морикава-сэнсэй не слышал, ему бы понравилось.

Куматани остался серьезен, а потом, вмиг расслабившись и став прежним собой, потерял бусы, сегодня обвязанные в два оборота вокруг левого запястья.

– Я рад, что сказал это. Простите, что так внезапно.

– Это было очень красиво и смело, Кента-кун, – похвалил Сааки.

– Настоящий самурай, – добавил Мадока, от души хлопнув его по спине. Кента невольно шагнул вперед, и его лицо озарилось теплой счастливой улыбкой. Кажется, Хизаши не видел ее много месяцев, наверное, с самой осени. И он удивился тому, что вообще думает о чем-то столь незначительном. В какой момент это вдруг стало для него важным?

Хизаши не тронулся с места, глядя в спину удаляющимся товарищам. В душе проснулась непривычная ревность – расстояние между ними увеличивалось, и Хизаши ни с того ни с сего почувствовал себя лишним. Он зашипел сквозь зубы, напугав проходившего мимо воспитанника с горой свитков до самого подбородка, выдохнул и пошел в другую сторону. Вместо занятия у Сакурады он лучше помедитирует тихо где-нибудь на солнце, ему это сейчас нужнее бессмысленного махания деревянным мечом.

Так он и поступил. Спрятался вдали от жилых построек, в кружевной тени деревьев, и отключился от мира. Его тело сделалось легким, невесомым, а мысли потеряли четкость. И внутри самого себя Хизаши снова стал гибкой серебристо-белой змейкой, не подчиняющейся глупым человеческим законам. Так он и сидел, пока солнце не прошло зенит, а урок у Сакурады-сэнсэя успел дважды смениться другими занятиями. Лучи перестали скользить по лицу шершавым горячим языком, и Хизаши открыл глаза. Напротив него, отражая позу, сидел Морикава-сэнсэй.

– У... учитель?

Морикава медленно поднял веки, и его рассеянный взгляд сфокусировался на Хизаши.

– Мацумото-кун. Надеюсь, я не помешал твоей медитации, ведь ради нее ты заставил своих друзей придумывать тебе оправдания, – произнес Морикава. – Впрочем, Сакурада-сэнсэй не из тех, кого устроит причина прогула меньшая, чем смерть. Но я вижу, хвала богам, ты в полном порядке.

– Я неважно себя чувствовал, поэтому решил позаниматься рэйки¹⁰ в одиночестве, – легко солгал Хизаши, глядя учителю в глаза.

– Верно, ты на голову опережаешь других своих сверстников, – кивнул Морикава. – Однако после возвращения из замка лорда Киномото ты ведешь себя необычно. Необычно для Мацумото Хизаши. Скажи мне, ведь я твой учитель. Что с тобой творится?

Хизаши охватил страх, потом гнев, а потом он спокойно возразил:

– Со мной ровным счетом ничего не творится. Мы все немного волнуемся из-за Гаппай-но хи.

– Разве? Я не помню, чтобы ты когда-то по своей воле прикасался к мечу, даже бамбуковому.

– Не все готовы открыто выражать свои чувства, как это делаете вы, – протянул Хизаши, уже с трудом скрывая недовольные нотки. Морикава выводил его из себя назойливыми попытками изображать заботливого наставника, тогда как всем было очевидно: ему бы самому такой не помешал. Хизаши знал, что может убить его, даже не прибегая к скрытой силе ёкая. Понимал ли это сам Морикава? Едва ли. Он был похож на взрослую версию Куматани, и Хизаши очень постарался не думать о том, что именно это заставляло его видеть в учителе только плохое.

– Может, тебе просто стоит почаще улыбаться друзьям?

От досады Хизаши сильнее стиснул зубы. А Морикава смотрел с ласковым беспокойством, и пламя ярости – от того странной и даже пугающей, что вызвана была столь незначительной причиной – разгоралось все сильнее.

И тут, как спасение свыше, совсем рядом послышались возбужденные голоса.

– Смотрите! Это же Морикава-сэнсэй!

– Сэнсэй!

Захрустели ветки, пропуская прущего напролом Мадоку. За ним, прячась за широкой спиной, шел Сасаки, Кента замыкал. И вся эта компания заполнила крохотную полянку шумом дыхания, запахами и эмоциями, которых Хизаши, разумеется, не видел, но которые будто сделали воздух душным и плотным. Захотелось нырнуть в траву и ускользнуть прочь.

¹⁰ Рэйки – в контексте данной книги: техника медитации для исцеления.

– Когда вы вернулись, учитель? – спросил Сасаки, усаживаясь рядом. – Мы очень переживали.

– Нам рассказали про Гаппай-но хи! – перебил его Мадока. – Правда, что мы сами сможем выбрать себе ёкаю для меча? Серьезно? Дадите пару советов?

Куматани сел рядом с Хизаши, достаточно близко из-за тесноты поляны, но не нарушая личного пространства. Его взгляд был обращен на учителя.

– Значит, я приехал вовремя, – рассмеялся Морикава. – Не хотелось бы пропустить такое важное событие в жизни своих учеников.

Хизаши покосился на Кенту, и тот, почувствовав, повернулся к нему и пояснил:

– Ниихара-сэнсэй объявил дату первого этапа будущей церемонии обретения меча. Мы не стали прерывать твое уединение.

– Мы будем ловить себе ёкаев! – снова встрял Мадока. – Каких захотим!

Хизаши потер пальцем вмиг разнывшийся висок. Морикава поймал его непонимающий взгляд и сказал:

– Похоже, Мацумото-кун выбрал не самое подходящее время, чтобы «приболеть». Давайте сделаем так, – он переложил на колени ножны со своим мечом, – я покажу вам кое-что, а после отвечу на вопросы.

Он положил ладонь на рукоять катаны, уперся большим пальцем и на один сун¹¹ обнажил блестящий металл. Мадока едва не прильнул к нему носом, такая от него исходила волна горячего интереса. Хизаши лишь мазнул по клинку равнодушным взглядом и тут почувствовал, как внутри что-то отозвалось, будто на голос знакомого. Хизаши вновь всмотрелся в меч и тогда понял – тот был живым. Не просто наполненным энергией ки и потому прозванным духовным оружием. Духовное – потому что имеет душу.

– Не может быть... – выдохнул он раньше всех, и Морикава вернул меч обратно в ножны. – Это...

– Это то, о чем не принято распространяться в нашем кругу, – пояснил учитель. – Потому-то вы и не догадывались, в чем заключается истинная цель Гаппай-но хи. Вам не просто раздадут личные мечи, ваше первое оружие экзорциста, но помогут наполнить силой, которая потом пригодится в работе.

– В вашем мече ёкай, – будто не веря до конца, произнес Хизаши. Его настолько устрасала эта мысль, что он не удержал лицо, и на нем проступила гримаса отвращения. Досадная оплошность.

– Это обязательно? – спросил Куматани, переводя внимание на себя.

– Несомненно. Ведь духовное оружие стало неперенным атрибутом оммёдзи более двух веков назад. Исключения бывали, но эти случаи уникальны, и мы не станем их сейчас рассматривать.

– Неужели кто-то мог по своей воле отказаться от такого? – не поверил Мадока. – Духовное оружие – это здорово. Я слышал, что в других школах у экзорцистов не только мечи, но даже луки и копья. И в них тоже заключены ёкаи?

Морикава кивнул.

– Верно. Обычно альтернативное оружие предпочитают школы поменьше.

– И правильно. Мечи – вот истинная гордость мужчины!

– Но как же так вышло, что никто не проговорился за столько времени? – спросил Сасаки. Его отношение к новости было Хизаши не понятно, а вот вопрос оказался здравым. – Получается, есть какой-то запрет?

– Ты прав, Сасаки-кун, – ответил Морикава-сэнсэй. – Понимаете же, какое волнение может вызвать у простого человека то, что к нему в дом принесли ёкаю, пусть и внутри меча?

¹¹ Сун – историческая мера длины, равная примерно 3,03 см.

Поэтому вам тоже предстоит дать клятву, что знания, полученные в стенах школы, останутся при вас.

Дальше беседа пошла по кругу, в основном поддерживаемая Мадоккой. Как это будет происходить? Когда? Где? Какой ёкай в мече учителя? У него была масса вопросов, которые не могли скрыть его радости. Все же Мадока Джун идеально подходил идеалам школы оммёдо и экзорцизма Дзисин. Возможно, единственный из всей их компании.

Поймав на себе одновременно взгляды учителя и Куматани, Хизаши опустил голову, невольно посмотрев на ножны, покрытые красным блестящим лаком, и на мгновение почудилось, будто кто-то из металлического плена Рендзё с тоской посмотрел на него в ответ.

В суете прошли дни. Разговоры ожидаемо стихли, и даже по вечерам в их жилом павильоне не было слышно настойчивых попыток вызнать, кто и как собирается называть свои мечи и кого в них заключать. И все вроде пришло в норму, только Хизаши мучило воспоминание о том первом чувстве, которое вызвал у него взгляд на катану Морикавы-сэнсэя.

Экзорцисты – зло. Хизаши частенько сталкивался с таким мнением своих собратьев, но лишь молча проползал мимо. Его экзорцисты не пугали, в конце концов, он же не совершал ничего дурного. За что бы его изгонять? У Хизаши была совсем другая цель, и он скользил к ней серебристой змейкой, не представляя, чем обернется эта мечта.

Экзорцисты – зло. И ощущая душу меча Рендзё, Хизаши не понимал, как не заметил этого сразу. Приблизился ли бы он тогда к воротам Дзисин той дождливой осенью?

Ответ – да. Иначе невозможно.

– Вот, держи.

Куматани передал ему стопку ветхих листов, сшитых в тонкие книжицы. В библиотеке Дзисин было сумрачно, поскольку она находилась в толще горы и не имела окон. Точнее сказать, это помещение являлось архивом, где хранили старые отчеты о выполненных заданиях. Самая дальняя его часть даже не освещалась, и приходилось держать при себе фонарик-тётин¹². Кента пристроил длинную ручку между досок стеллажей, и бумажный шар слегка покачивался, и круг света от него скользил по полкам и окрашивал кончики волос Кенты в желтый.

– О, светлые Kami! – вырвалось у Хизаши. – Это когда-нибудь закончится? Почему никто другой не займется этой ерундой?

– Это не ерунда, – возразил Кента, и уже не в первый раз. – Мы делаем важное дело, в будущем эти записи могут помочь другим экзорцистам.

– Готов поспорить, их перекладывает каждый новый набор учеников. Когда бы тут взяться беспорядку?

Но Кента уже раскрыл очередную тетрадь и, прислонившись к стене, углубился в чтение. В последнее время он читал как одержимый, все подряд, начиная со стихов и заканчивая, вот, старинными отчетами, наверняка заполненными такими же, как они, учениками. Хизаши отвернулся и спихнул стопку на полку, не особенно заботясь об аккуратности. Резкое движение покачнуло фонарик, и пламя внутри замерцало, играя тенями вокруг.

Кента поднял взгляд, как бы говоря: «Не устрой пожар, пожалуйста», и Хизаши закатил глаза. Пожары ему не нравились, и огонь первое время жизни в этом теле вызывал недоверие. Сейчас, правда, Хизаши уже не тот, что раньше, от человека и не отличишь. Взять, например, тонкие длинные пальцы, которыми он ловко переворачивал страницы книжицы. Очень удобная штука эти пальцы, Хизаши оценил их по достоинству. Кажется, это было буквально на днях, но сколько уже прошло? Три года? Для кого-то вроде Кенты – краткий эпизод, а для Хизаши – почти целая жизнь.

Задумавшись, он отложил отчет и взял другой, заполненный, судя по уверенным росчеркам кисти, кем-то более опытным. Факты изложены грамотно и по делу, но не без некоторого

¹² Тётин – традиционные японские переносные фонарики с ручкой наверху.

изящества речи. Пока Куматани был занят, Хизаши от скуки пробежался взглядом по столбикам иероглифов. Деревня Токкай на северо-востоке от Нагойи, причина обращения в управление Дзисин – зарево синего огня на горе. Оммёдзи прибыли на место и обнаружили сожженные дома и кучу мертвых сельчан. Все были убиты там, где их настигла беда, – кто на пороге собственного жилища, кто возле колодца. Источник возгорания – маленькое святилище местного ками-защитника. И была еще одна странность – выжил один-единственный мальчик, лет двенадцати.

Хизаши из интереса решил посмотреть на дату и имя экзорциста под обложкой, но успел увидеть только знакомую фамилию – Ниихара, как вдруг пламя в фонаре погасло.

На мгновение темнота окутала все плотным одеялом, Хизаши от неожиданности выпустил книгу из рук, и она с мягким шелестом страниц упала на пол.

– Откуда сквозняк? – удивился во мраке голос Куматани. Испуганным он точно не был. – Подожди, не шевелись, я сейчас.

Вспыхнул простой огненный талисман – их всегда хватало в избытке даже у воспитанников, чтобы не тратить время на высекание огня, когда есть оммёдо. Бездымное красно-рыжее пламя выхватило из тьмы лицо Куматани.

– Помоги поджечь свечу, – попросил он, и Хизаши взялся за бумажный корпус фонаря. Вскоре хранилище библиотеки вновь освещалось трепетным уютным светом, а вот отчета под ногами у Хизаши уже не было.

– Ты ничего не убрал? – на всякий случай спросил он у Кенты, тот покачал головой.

– Ты что-то потерял?

– Ничего, – ответил Хизаши и принялся за работу, решив на время забыть о прочитанном, хватало и личных поводов поломать голову.

Отчеты сортировались по годам и тяжести случаев. Бывали такие, которые в действительности оказывались делом рук человека или вовсе домыслами невежественных крестьян. Другую категорию составляло большинство имеющихся отчетов – это случаи изгнания ёкаев и злых духов по всей империи. Не так уж и редко, похоже, происходили столкновения с демонами, настоящими, из подземного мира Ёми, но куда чаще – с мелкими демонами-акумами, в которых в том числе перерождались особо злые ёкаи. Это был своеобразный круговорот – люди умирали и перерождались в новых жизнях или не уходили дальше, а застревали в виде юрэев или злых духов. Последние рисковали рано или поздно превратиться в акум. Животные, совершенствуясь, становились ёкаями, а те, если повезет, могли стать ками, заслужив поклонение людей. Или пойти по пути зла, что случалось, увы, чаще и куда как проще.

Но имелаась и такая категория отчетов, куда помещали тетради с делами странными, необъяснимыми, она была малочисленной, но окруженной зловещей аурой. Складывались такие отчеты отдельно от остальных, и младшим ученикам вроде Кенты с Хизаши путь туда был закрыт.

– Эй, если ты не собираешься работать, а только читать, мы отсюда и до ужина не выберемся, – проворчал Хизаши. Не то чтобы он особенно усердно трудился, но в пыли успел испачкаться.

Кента отозвался не сразу, будто не услышал, а потом отложил очередной отчет и серьезно спросил:

– Хизаши-кун, тебе не кажется странным, что мы будем изгонять зло с помощью другого зла?

– О чем ты?

– О церемонии Гаппай-но хи. Получается, заключая ёкаев в мечи, мы с их помощью будем потом изгонять им подобных. Ты не считаешь, что это как-то подл...

Хизаши молниеносно оказался рядом и зажал ему рот ладонью. И без того большие глаза Кенты стали еще больше и с тревогой смотрели на Хизаши поверх его пальцев.

– Будь осторожнее со словами, – посоветовал Хизаши. – Если рядом нет других людей, это не значит, что ты тут один.

Кента отстранил его ладонь и перевел дух.

– Конечно, я тут не один. Мы же с тобой вместе.

Интересно, подумалось Хизаши, он действительно не понимает, что может пострадать от подобных рассуждений?

– Тем более, – холодно произнес он. – Хватит быть таким наивным, тебе давно не десять лет. О тебе тут некому заботиться.

– Но ты уже заботаешься обо мне, – легко возразил Кента.

И видят боги и демоны, он прав, и осознание его правоты больно укололо Хизаши, будто его уличили в чем-то мерзком и постыдном. Взмахнув рукавом, он так резко отвернулся, что едва снова не оставил их без света.

– Работай давай, – бросил он хмуро. – Я устал.

Темное хранилище наполнилось шелестом обложек, размеренным дыханием и потрескиванием свечного пламени в клетке бумажного фонаря, и только в груди у Хизаши стучал назойливый молоточек, унять который все никак не выходило.

Обманчивое спокойствие было нарушено на следующий день. Хизаши и Кента возвращались из хранилища после очередной порции обязательной работы, когда встретили Мадокү и Сасаки, и оба они на удивление были одинаково взбудоражены. Среди младших учеников, допущенных до Гаппай-но хи, объявили общий сбор после обеда. Все уроки до вечера отменили, чтобы юноши могли осмыслить услышанное, тем более что информация, которую Ниихара-сэнсэй вместе с Морикавой и Сакурадой донесли до них, и впрямь требовала тщательного обдумывания.

В дождь гулял теплый ветерок, проникающий сквозь открытый дверной проем, ученики числом в дюжину сидели на полу в сосредоточенном ожидании, и когда старый наставник опустился на свое место перед стягом с тремя У, как их называли между собой, а учителя помладше сели по обе стороны от него чуть поодаль, внимание юношей можно было резать ножом, таким оно стало плотным.

– Что ж, я рад видеть столь ярое нетерпение у молодежи, – кашлянув, произнес Ниихара-сэнсэй, взглядом старой хитрой лисы скользя по рядам учеников. – Да-а-а... Напоминает дни моей юности. Так не будем же тянуть? К третьему дню каждый из вас должен определиться, кто станет наполнением вашего будущего духовного оружия. Отнеситесь к выбору серьезно, ведь меч экзорциста это отражение его души. Будет ли он полон огня и ярости или же коварства и изворотливости? Хотите ли вы мощи или мудрости. Какие чувства вы хотите нести? Правильный выбор очень важен, но правильность его сможете определить только вы сами. Морикава-сэнсэй, прошу вас.

Морикава с почтением кивнул ему и обернулся к застывшим ученикам.

– Для начала хочу поздравить вас с наступлением поворотного момента, первого в вашей жизни оммёдзи. Ниихара-сэнсэй не зря обратил особое внимание на важность верного выбора. Не переоцените свои силы, но и не стоит принижать свои способности. Найдите баланс в себе, не рискуйте понапрасну и не гонитесь за целью, которая для вас недостижима. Помните главное – даже дзасики-вараси¹³ в своем доме могут быть опаснее дзикининки¹⁴, а слабый духом, пленив нурихёна¹⁵, не сможет потом совладать с ним и неизбежно потерпит крах.

¹³ **Дзасики-вараси** – разновидность ёкай, домовый дух, считается, что дзасики-вараси приносят в дом удачу.

¹⁴ **Дзикининки** – злой ёкай, пожирающий трупы людей.

¹⁵ **Нурихён** – могущественный ёкай с обманчивой внешностью, часто выглядит внешне добродушно, с удлинённой тыквообразной головой и старческим лицом.

– Морикава-сэнсэй имеет в виду, – грубовато перебил его Сакурада, – что жадность и гордыня приведут вас в могилу. Выбирайте цель себе по силам, чтобы мне не пришлось вытаскивать вас из пасти *они*.

Морикава-сэнсэй смущенно кашлянул, а старик Ниихара одобрительно покачал головой.

– Все именно так, – подтвердил он. – Ёкаи есть везде, в воде, в лесах, горах, в небе и даже рядом с людьми. Мудро распорядитесь этой информацией и сообщите о своем решении Морикаве-сэнсэю не позднее завтрашнего вечера. Тогда же и получите инструкции и необходимые талисманы.

После этого Ниихара удалился вместе с Сакура-дой, а Морикава еще немного пообщался с учениками, пока не вдаваясь в детали. Два дня – приличный срок, чтобы все обдумать, впрочем, Хизаши и начинать не собирался. Он лишь с затаенным любопытством изучал лица соучеников, группами покидавших додзё. Прохождение этого этапа церемонии Гаппай-но хи не в одиночку не возбранялось, как раз наоборот, ведь так было куда безопаснее, но вот что удивительно: за порогом додзё Мадока вдруг ускорился и скрылся с глаз, Сасаки, извинившись, куда-то убежал, и только Кента задумчиво шел рядом, не делая попытки заговорить. Так и вернулись в свой павильон в неуютном молчании.

Казалось, вместе с ними притихла и вся гора Тэнсэй, будто школа вымерла или погрузилась в коллективную медитацию. Ученики прониклись напутствием Ниихары-сэнсэя, и теперь каждый желал уединиться, чтобы понять для себя – чего он хочет? После столь же тихого спокойного ужина юноши начали собираться в компании, и Хизаши, всегда находящийся в стороне и оттого замечающий больше остальных, понял, что формируются они не случайно и вовсе не из дружеских привязанностей, которым нашлось место даже в такой суровой школе, как Дзисин. И когда вместе с гаснущим светом дня в комнату вернулся Мадока, он с порога заявил:

– Я отправлюсь в горы. Хочу попробовать поймать отороси¹⁶, слышал, одного видели у подножия Лосиной горы. Пожелайте мне удачи.

Кента не понял, а Хизаши негромко фыркнул.

– А справишься с отороси, а?

– А что, думаешь, не справлюсь? – нахмурился Мадока и похрустел пальцами. – Он сверху нападает, только и надо что почаще вверх смотреть.

– Не споткнись, а то он помрет со смеху.

– Ну ты и скотина, Мацумото, – привычно огрызнулся Мадока, но было видно, что весь его азарт ушел в другое русло. – Сам-то, поди, будешь капп по прудам ловить. И вообще, твой язык похож на тэндзёнамэ¹⁷, вот он тебе очень даже подходит!

Довольный собой и своей осведомленностью, он отвернулся и принялся возиться с футоном. Но уши у него алели так, что могли освещать комнату вместо свечей. Еще бы, подумалось Хизаши, ведь никто не оценил размах его намерений.

Сасаки тоже задержался и, вернувшись, вел себя тише и от вопросов Мадоки отмахивался, однако чувствовалось, что и он кое-то уже решил. Хизаши исподволь наблюдал за тем, как Кента укладывается на ночь, и не мог понять, решил ли что-то он? Из всех присутствующих, кроме, конечно, самого Хизаши, он один ничем не намекнул, что и как планирует делать. А это вызывало любопытство.

И отчего-то беспокойство.

¹⁶ **Отороси** – редкий и очень опасный ёкай, выглядящий как волосатый горбатый зверь на четырех лапах, с внушительными зубами и когтями.

¹⁷ **Тэндзёнамэ** – долговязый ёкай с очень длинным языком, которым он слизывает пыль и грязь с потолков.

* * *

Ранним утром день спустя Хизаши стоял у арки ворот школы Дзисин, обнимал себя за плечи и недовольно поглядывал на плотную пелену облаков. Будто насмехаясь над его благодарными порывами, погода решила наградить Хизаши весенним дождем, который, судя по всему, грозил затянуться надолго. А тут еще и Куматани затеял такое прощание, словно они расставались на века.

– Удачи, брат, что бы ты там ни задумал, – хлопнул его по плечу Мадока и, кинув взгляд за Хизаши, наклонился и прошептал, наивно полагая, что не будет услышан: – И за этим приглядывай. К шаманке не ходи, уведет у тебя добычу из-под носа, только отвернешься.

Арата не стал ни о чем предостерегать, просто пожелал удачи и направился в противоположную Мадоке сторону – как выяснилось накануне, к реке, где собирался попытать счастья вместе с другими учениками, не стремящимися овладеть сильным помощником. Кента и Хизаши остались одни.

– И как так получилось, что ты идешь со мной? – спросил Кента, хотя этот разговор между ними состоялся еще вчера, но тогда Хизаши предпочел увильнуть от ответа.

– А почему я не могу идти с тобой? Лес большой, ёкаев в нем много. Или правда думаешь, что я уведу у тебя добычу? – Хизаши пожал плечами, как бы показывая, насколько эта мысль кажется ему бредовой. – Тогда иди в другой лес, не в этот, если боишься.

Кента остолбенел под таким напором, несмело улыбнулся и помахал рукой.

– Нет-нет! Я и не подумал бы. Просто все пошли своими путями, и я...

– Давай определимся кое с чем, – перебил его Хизаши. – Вполне возможно, это ты сейчас идешь моим путем, но я не в обиде.

Он степенно прошагал мимо, задев Кенту рукавом хаори – своего личного, цвета спелой сливы, с рисунком из рыжих кленовых листьев. В привычной одежде и за пределами школы даже дышалось как-то не в пример легче, и Хизаши от души потянулся.

– Я рад, что наши пути сошлись, – сказал Кента, становясь рядом и закидывая руки за голову. – Словно у каких-нибудь героев из легенд.

– Ха! Не надо, пожалуйста, тянуть меня в герои. Тебе ведь известно, что они долго не живут?

– Но мы будем защищать друг друга, и враги не смогут подобраться к нам со спины.

– Враги, которые подбираются со стороны лица, ничуть не менее опасны.

– Если ты будешь смотреть на них так же, как на Джуна, на нас точно никто не нападет.

Хизаши повернул голову, но обнаружил, что Кента почти смеется. А тут и солнечный луч просочился сквозь слой облаков, и полоска света на траве перед ними росла и ширилась, пока не поглотила сначала их тень, а потом и их самих. Хизаши почувствовал, что и сам улыбается.

– Идем навстречу подвигам? – предложил он в шутку, Кента, решительно кивнув, сделал первый шаг по дороге, уводящей двух младших учеников прочь от родной школы.

День потихоньку распогодился, но все равно отличался от вчерашнего, наполненного жизнерадостным весенним теплом, пением птиц и ласковой щекоткой набирающего силу солнца. Сегодня зябко тянуло далеким дождем, и живительные лучи с трудом пробивались, как сквозь мутную оконную пленку, рассеиваясь и не принося удовлетворения. Хизаши так устал от затянувшихся холодов, что готов был выть от обиды, и лишь соседство с Куматани удерживало его от позорной потери лица. Они обошли городок по дуге, войдя под своды зеленого моря деревьев не с той стороны, с какой чуть больше полугода назад вышли в поисках школы оммёдо и экзорцизма. В этот раз чем дальше от хоженных тропок им удастся забрести, тем лучше. Для Хизаши отловить слабого ёкая сложностью не было, поэтому он ждал, что

предпримет Куматани, ведь для него даже просто заметить все многообразие местной потусторонней жизни – та еще задача.

– И далеко ты собираешься забраться? – наконец поинтересовался Хизаши. Они только что миновали затаившуюся в густом подлеске ласку-оборотня, и Хизаши начал подозревать: их бесцельные хождения по кругу не случайность.

– Я хочу... – с заметной запинкой ответил Кента, отведя взгляд, – найти редкого ёкая. Кого-нибудь необычного, чтобы не стыдно было показать Морикаве-сэнсёю.

– Ты даже ни разу не воспользовался офуда для обнаружения.

– Нет необходимости. Я и так вижу, что вокруг ни души.

Хизаши переглянулся с тускло-желтыми в дневном свете глазами кидзимуна высоко в кроне лиственницы и вздохнул.

– Конечно. Тут совсем никого нет, – протянул он и спрятал зевок в рукаве хаори.

Время обеда миновало, и Кента разложил на поваленном стволе молодого деревца собранный доброй продавщицей сладостей бенто. Хизаши не стал отказываться – ему-то бенто никто не собирал – и, пока ел, поглядывал по сторонам. Их вторжение в чащу леса не осталось незамеченным, и за ними уже настороженно наблюдало множество глаз. В траве прошестели лапки цутигумо, над поляной пролетела стайка лесных духов в виде радужных ласточек с длинным острыми клювиками. С ветки на ветку перебирались шустрые куницы-итати – их привлек запах человеческой еды, а с другой стороны стрекотал ушами белоснежный кролик-усаги с красными полосками по бокам. Глупыш совсем недавно досовершенствовался до ёкая и по привычке слишком близко подобрался к людям, да так, что даже Кенте с его внезапной избирательной слепотой невозможно было не заметить острые кончики ушек и поблескивающие красным любопытные глазки.

– Это твой шанс, – одними губами произнес Хизаши, кивая на несчастного усаги.

Кента замер, медленно опустил руку с палочками, а вторую сунул за пазуху и достал выданный каждому из учеников особый талисман: им можно пленить почти любого ёкая и принести в школу, чтобы позже мастера поместили его в выкованный по специальному заказу меч. Ошибиться нельзя – талисман срабатывал единожды.

Хизаши скрестил руки на груди и остался сидеть, пока Кента прожигал кролика взглядом, а тот смотрел на Кенту и дергал носиком. Даже если ткнуть ему в морду офуда, дурачок не поймет, в какой опасности находится. Хизаши было его немного жаль, но не до такой степени, чтобы пропустить интересное представление.

Кента зажал талисман между пальцев и поднес к губам. Слово-активация готово было сорваться с них, но Кента медлил. Усаги доверчиво ждал своей участи, а Хизаши ждал, кто первым задаст стрекача.

А потом Кента поддел носком сандалии сухую ветку, и кролик сорвался с места и со всей своей кроличьей прытью скрылся с глаз.

– Ты это, конечно, не специально, – пробормотал Хизаши.

– От такого малыша все равно не будет прока, – ответил Куматани, убирая талисман. – И как мне называть меч? Мурёку¹⁸?

– Это не малыш, а ёкай, пусть он и выглядит как милый пушистик с хвостиком. – Хизаши обреченно покачал головой. – Почему бы просто не зайти в ближайшую деревню и не поймать цукумогами?

Среди многообразия сверхъестественных существ перерожденные вещи стояли ниже совершенствующихся животных, несмотря на то, что у всего в мире есть душа, будь то хитрый тануки¹⁹ или кас-обакэ, родившийся из старого зонтика. Но Хизаши, слушая разговоры уче-

¹⁸ Мурёку – в переводе с японского «беспомощность».

¹⁹ Тануки – ёкай-оборотень в виде енотовидной собаки, символизирующий счастье и благополучие.

ников в школе, сообразил, что принести для наполнения первого духовного оружия оживший пояс от чьего-то кимоно означало покрыть себя позором до самого выпуска. Тут уж лучше трусливый кролик-оборотень.

– Вот и ловил бы его сам, – вдруг огрызнулся Кента и быстро и как-то непривычно зло собрал бенто в узелок.

– Эй, не надо сваливать с больной головы на здоровую!

– Твоя голова сейчас ничуть не здоровее моей.

Пока Хизаши растерянно подбирал ответную колкость, Кента уже был готов продолжить путь. За время их короткого привала успело похолодать, и редкие теплые лучи окончательно потускнели. Того и гляди, начнется дождь, и Хизаши решил отложить споры на потом. Угрюмое молчание Кенты воспринималось как что-то шершавое, неприятное, колкое, царапающее кожу, стоит только подойти слишком близко. Было странно, и Хизаши решил, что ему это не нравится. Он демонстративно поотстал, но Кента не обернулся и не спросил, все ли в порядке, и вот тут уж Хизаши совсем растерялся.

Его оскорбило предложение поймать слабенького новорожденного усаги?

Ему не хочется ловить себе ёкая в присутствии Хизаши?

Он не может выбрать и потому злится?

Он голоден?

На последнем предположении у Хизаши закончились варианты, к тому же Кента не мог проголодаться – они же только что обедали.

– Эй, ты... ты в порядке? – спросил Хизаши, гадая, правильно ли поступает. Может, стоило и дальше хранить оскорбленное молчание?

Куматани поднял плечи и с громким вздохом опустил. Остановился и, дождавшись, пока его нагонят, произнес:

– Ты правда хочешь знать?

Хизаши кивнул, немного более поспешно, чем позволила бы гордость полдня назад.

– Ты правда считаешь, что заставлять живое существо служить источником силы нормально?

Хизаши захлопал глазами.

– Ты все это время думал об этом?!

– А ты об этом ни разу не думал?

Отвернувшись, Кента подобрал с земли длинную сучковатую палку и обломал выпирающие веточки. Пару раз постучал ею о землю, примерился ладонями и, кивнув самому себе, продолжил путь уже с посохом. Пройдя вперед, он позвал Хизаши за собой как ни в чем не бывало.

– Поторопись. Попробуем проскочить сырой участок до дождя.

Хизаши почувствовал запах стоялой воды – скорее всего, где-то впереди станет топко и надо будет продвигаться с осторожностью, чтобы не угодить в трясину. А вскоре к болотным миазмам примешался аромат приближающегося дождя, и на нос Хизаши упала первая капля, будто специально просочившаяся сквозь переплетение ветвей над головой, чтобы до него добраться. Хизаши вздрогнул, и одновременно с этим послышался шорох, и лес накрыло тенью.

Незаметные в родной стихии ёкаи разбежались, и только двое экзорцистов остались посреди деревьев, пока их не настиг град мелких холодных капель. Шатер раскидистой старой ели не давал воде затечь за ворот кимоно, а вот от промозглой противной сырости защитить не мог. Хизаши нахохлился и обхватил себя руками, проклиная тот час, когда решил проследить за Кентой и отправился вместе с ним.

Кента скинул узелок на ковер из прошлогодней хвои, огляделся и отломал у самого основания ствола несколько широких лап, разложил на выпирающих из земли корнях, а потом развернул узелок и этой тканью накрыл наскоро сооруженное ложе.

– Вряд ли мы до вечера куда-то пойдем, так что давай посидим. В ногах правды нет.

Он опустился на похрустывающий «футон» и похлопал ладонью рядом с собой. Хизаши послушался и с ностальгией втянул аромат влажной земли, порывших иголок и мха. Так пах его первый дом. Он откинулся назад и спрятал руки в складках ткани. Кента уже вновь чем-то занялся, выкопал маленькую ямку, сгреб туда сухих веточек и поджег. Скромный костерок весело затрещал, распространяя вокруг щекоцущий дымок и ласковое тепло. Совсем рядом – руку протяни – серой пеленой висел дождь, мелкий и частый, он наполнил прозрачный воздух монотонным шелестом, от которого тянуло в сон. Кента вернулся на еловую подушку и поджал ноги.

– Хорошо-то как, – он протянул ладони к огню. – Хочешь лепешку? Там еще оставалось.

– А давай, – неожиданно для самого себя согласился Хизаши, и вот уже разломанная пополам и нанизанная на веточку лепешка из рисового теста подрумянивалась над огнем. Уголки губ Кенты наконец-то приподнялись и больше не опускались, как будто груз тяжелых мыслей, который он вынес с собой из Дзисин, упал с плеч. Принимая угощение, Хизаши почувствовал тепло его пальцев и на мгновение устыдился своих, холодных точно лед. Или змеиная кожа.

– Тебе бы к целителям обратиться, – сказал Кента, прожевав. – Ты мерзнешь даже летом.

– Это черта благородных людей, – возразил Хизаши, перебрасывая половинку горячей лепешки из ладони в ладонь. – Ай, жжется!

– Значит, ты все-таки из аристократов. Ты очень мало о себе рассказываешь, Хизаши-кун. Чем занимаются твои родители? Где ты родился? Это в семье тебя научили азам оммёдо?

Хизаши отвел взгляд и посмотрел на трепещущие язычки огня в костре.

– Я всему научился сам. Я много путешествовал перед тем, как попасть в эти края.

– Наверное, ты откуда-то с юга. Хонсю?

Хизаши не ответил. Обычно ему не составляло труда врать и придумывать на ходу, но то ли настрой был не тот, то ли... В общем, он просто решил промолчать.

– Я понимаю, почему ты не хочешь говорить, – вдруг сказал Кента, и Хизаши застыл. – Я с самого детства не видел отца, но он наверняка благословил бы меня на учебу в школе оммёдо. По крайней мере, мне хочется так думать. Но теперь... Теперь я не знаю, смог бы рассказать ему о том, что мы должны сделать.

«А ты об этом ни разу не думал?»

Хизаши смотрел в огонь и видел в танцующих всполохах длинные кроличьи уши. Глупый усаги наверняка даже не понял, что ему грозило. Его ки стала бы источником силы духовного оружия экзорциста, а домом – полоска металла, закаленная в огне и спрятанная от солнечного света в тесноте ножен.

– Хизаши-кун, о чем ты думаешь?

Каково это – быть душой меча? Каково это – долгие годы не видеть света дня и чарующей темноты звездной ночи? Свернуться тугими кольцами в полусне-полузабытье, полужизни-полусмерти и просто ждать освобождения.

Хизаши вдруг показалось, что он понимает эти чувства, и по спине пробежал холодок.

– Хизаши-кун!

– Чего раскричался?

– У тебя лицо было странное, – ответил Кента слегка уклончиво. – Наверное, разговоры о семье тебе неприятны. Мне стоило об этом подумать, прости.

– Мне все равно. Если хочешь говорить – говори.

Однако Кента не стал, и тишина под зелеными сводами шуршала и потрескивала, не нарушаемая словами. Время шло, а дождь и не думал прекращаться. Близость болота тоже не играла на руку – земля слишком быстро насытилась влагой, и вода уже не впитывалась, а собиралась грязными лужами в неровностях почвы, пока не покрыла собой все вокруг их скромного убежища. А потом костер зашипел и, немного посопротивлявшись, потух. Хизаши забрался на еловые лапы с ногами, но края черных ученических хакама успели намокнуть и мерзко касались кожи. Если ничего не предпринять, они оба тут утонут.

Хизаши задрал голову, но и в страшном сне не увидел себя взбирающимся на верхушку дерева.

Куматани заметил его взгляд и верно разгадал.

– Продираясь сквозь иголки, мы только зазря вымокнем и обдеремся, – сказал он и с сожалением посмотрел на остатки костра. – Надо идти дальше и искать новое укрытие. И можно еще помолиться.

– Кому? – фыркнул Хизаши. – Это все проделки Амэ-онны²⁰. Эта гадина хочет проклясть нас и утянуть следом за собой.

– Даже если так, у леса должен быть покровитель – помолимся ему. Считай это простой вежливостью.

Они выбрались из шалаша, и дождь мгновенно накрыл их, обтек, будто серой пленкой, равномерный и частый, как единое мокрое полотно. Хизаши вымок сразу же, и длинный, высоко собранный хвост гладких волос – его тайная гордость – уныло повис, прилипнув к шее.

– Отказываюсь я молиться, – бросил он сердито и потрянул руками, чтобы отклеить от запястий отяжелевшую ткань. Безрезультатно. – Сухости мне это не добавит.

Куматани поёжился и, пробормотав универсальную короткую молитву-обращение к kami, поклонился на восток. Разумеется, это не остановило дождь и не вернуло солнце на небосвод, хотя Хизаши и в ненастном сумраке понял, что оно уже вовсю двигалось к западу.

– Идем обратно, – сказал Хизаши. Продолжать путь в такую погоду, рискуя угодить в болото, глупо. Куматани не стал возражать, только вот и вернуться не вышло – тропинку размыло, а почуять что-либо сквозь завесу дождя не смогла бы даже собака, не то что бывший змей.

Хизаши растерянно остановился и убрал с лица сосульки волос.

– Ничего не понимаю.

– Мы заблудились, – пояснил Кента.

– Это-то я понимаю! Почему мы заблудились? Разве ты не должен ориентироваться в лесу как в родном доме? – Идея свалить вину за испорченный день на Кенту оказалась слишком соблазнительной, чтобы отвлекаться на доводы рассудка. И совести. – Или ты специально нас кругами водишь? Я еще до дождя заметил, что мы не придерживаемся маршрута.

И он скрестил руки на груди, мокрый, дрожащий, но гордый. По крайней мере, так он видел себя со стороны.

Куматани тоже не очень успешно скрывал озноб, его щеки побелели, а губы потеряли яркость. Волосы темными змейками облепили лицо, меняя до неузнаваемости. Кента был похож на призрак больше, чем на живого человека, но все равно постарался ободряюще улыбнуться, хоть зубы и выстукивали мелкую дробь.

– Значит, ты заметил. Но поверь, сейчас я ни при чем. Может, ты и прав, и это Амэ-онна или другой злой дух водит нас по лесу.

– Ждет, когда мы околеем, – проворчал Хизаши и сморгнул воду с ресниц. – Ладно, придется самому нас спасать.

Он отвернулся и взглянул на теневую сторону погрязшего в непогоде леса.

²⁰ Амэ-онна – дух дождя в японском фольклоре.

Едва он пересек черту между мирами, как ощущение опостылевшей сырости ушло, и пусть не стало тепло, но и холод больше не терзал. На территории неприкаянных душ все было спокойно, серо и пусто, потому и ничего не мешало разобраться с дорогой. Вот если бы на месте леса был, скажем, Киото, то того и гляди, заблудишься еще больше, ведь на теневой стороне мир отражается не в точной копии себя настоящего. Порой это далекое прошлое, порой, как Хизаши где-то слышал, даже будущее. Но вот лесу все нипочем, деревья тут росли долго, крепили, захватывали все больше земли, потому и ориентироваться было не так сложно.

Хизаши огляделся, стараясь не мешкать, чтобы Кента не успел обеспокоиться его неподвижностью и излишней сосредоточенностью. И только ему показалось, что он нашел верное направление, как его буквально вытолкнуло обратно в мир, наполненный холодом, водой и глухим раздражением. Успел только увидеть темный туманный след, который оставляли ёкаи, чьи помыслы становились слишком черны, так что приближали их перевоплощение в акуму.

– Прости, – извинился Кента. – Мне показалось, ты опять задумался.

– Это потому, что я, в отличие от некоторых, умею думать, – ворчливо отозвался Хизаши и сразу определился с направлением, пока все не перемешалось в голове. – Идем туда.

– А что там?

– Там... – Хизаши открыл рот, закрыл и злобно прищурился. – Не нравится, топай куда душа пожелает.

Разумеется, они пошли вместе, потому, что как бы Хизаши ни кипятился, лучше так, чем одному. Так хоть есть, на ком злость срывать.

Капли стали крупнее, оттого и били по лицу и плечам сильнее, и невесомая пленка дождя на коже превратилась в мерную дробь, как будто множество мелких *они* тыкали со всех сторон своими крошечными дубинками. Таби полностью вымокли, сандалии с них соскальзывали, несмотря на ремешки, и когда Хизаши был готов кричать от божественной несправедливости, как между деревьями что-то показалось.

– Там дым! – поразился Куматани. – Здесь кто-то живет, представляешь?

Он обошел Хизаши, но тот схватил его за локоть.

– Не спеши так.

– Но нам могут помочь. Попросим приюта, обсушимся, погреемся у очага.

– Ты чувствуешь запах дыма?

Кента не сразу понял. Но вот его брови нахмурились, а взгляд потерял жизнерадостный блеск.

– Нет. Ничего не чувствую.

Если дым от огня не пахнет как положено, значит, его развели не обычным способом. Едва ли у того, кто жил посреди глухого леса, были огненные талисманы оммёдо, поэтому Хизаши видел только один вариант – колдовство ёкая или демона.

Они приблизились к землянке. Ее треугольную крышу покрывал толстый слой лесного мусора и мха, и она больше походила на холмик, чем на жилище. Но над самым уровнем земли вырисовывалось внутренним светом крошечное окошко. Вход прятался в выкопанной яме, и Хизаши сначала попробовал почувствовать жилища, но, кажется, он отсутствовал.

Хизаши первым, согнувшись едва ли не пополам, подобрался к дверке и толкнул. Изнутри пахло жарким теплом. Вместо очага – бумажная клетка с мечущимися в ней огненными шарами, называемыми в народе хино-тама. Хизаши наклонился и почувствовал в пленниках фонаря крошек цурудэ-би, древесных огоньков, что по ночам зажигаются в кронах деревьев и покачиваются на ветвях.

– Заходи, тут никого, – крикнул он, но Кента и так уже спустился и с любопытством оглядывался.

– Кто здесь обитает, как думаешь? – спросил он.

– Точно не человек. – Хизаши кивнул на клетку с цурудэ-би. – Хозяин смог поймать древесные огоньки и заставить освещать и обогревать комнату. Значит, он сильнее них. Но не сильнее нас.

Он не собирался уходить, пока не высохнет и не отдохнет. И пусть хоть все демоны Ёми явятся его выдворять.

В подтверждение своих намерений Хизаши нашел у стены старенькое одеяло, брошенное поверх набитого соломой матраса, и сел, скрестив ноги. Пусть тепло от древесных огоньков и не настоящее, живое, но оно хотя бы дает иллюзию костра, да и задачу свою выполняет.

– Ты не боишься, что хозяин вернется?

Хизаши как раз распустил волосы и без стеснения выжал над утрамбованным земляным полом.

– Чего мне бояться? Если бы в этом лесу водились по-настоящему опасные ёкаи, мы бы знали.

Кента вздохнул, потом смирился и опустил на колени поближе к необычному фонарю. Мельтешение цурудэ-би ненадолго отвлекло его, и Хизаши закончил возиться с волосами, распутал пальцами и оставил просыхать. Снял хаори и от души встряхнул, разбрызгивая холодные капли.

На Кенту тоже попало, как и на бумажную клетушку.

– Осторожнее, не намочи их, – предостерег Кента, закрывая огоньки ладонью. – Когда будем уходить, надо их выпустить на волю.

– Может, выберешь одного для меча? – поддразнил его Хизаши. – Будешь освещать себе путь во мраке.

Кента передернул плечами и насупился, разглядывая цурудэ-би, почувствовавших людей с духовной силой и пришедших в ужас. Стало ощутимо жарче, некоторые огоньки вспыхивали ярче других, отчего свет дрожал, подобно настоящему пламени.

– Как их успокоить? – спросил Кента.

– Можешь с ними поговорить.

Это была шутка, только вот Кента хлопнул себя по лбу и широко улыбнулся.

– Точно! И почему я сразу не догадался? – И, обратившись к фонарю, сказал: – Простите нас за вторжение. Мы с другом отдохнем и дождемся окончания ливня, а потом уйдем. И если хотите, заберем вас с собой и отпустим на волю.

Хизаши замер с обвисшим от влаги хаори в руках. Куматани и впрямь разговаривал с ёкаями! Да так уважительно, что завидно сделалось. Оставив одежду в покое, Хизаши отвернулся к другой стене и тут почувствовал неладное.

– Кто-то идет, – успел бросить он, прежде чем закрипели петли, и вместе со стылым воздухом вошел, низко наклонившись под притолокой, человек. То есть он выглядел точно как человек, ни за что не заметишь подмены, но Хизаши не обманешь такими трюками. Он-то сразу увидел в быстром взгляде незнакомца его истинную сущность.

Кента вскочил на ноги.

– Простите за вторжение, если это ваше жилище, – сказал он и поклонился. Незнакомец был высоким, почти упирался макушкой в потолок, худым, с тонкой шеей, обмотанной грязным платком, и нечесаными длинными волосами. По лицу его нельзя было разобрать возраст, не юноша, но еще и далеко не старик. Хизаши опустил взгляд ниже, пробегаясь по странно узкому телу, а когда снова посмотрел на лицо, обнаружил, что оно помолодело, точно подстроилось под гостей.

– Кого это ко мне сегодня занесло? – спросил хозяин. – Да еще в такую непогоду.

– Мы... – Кента сделал едва уловимую паузу, – срезали путь до города, но потерялись. Где-то тут рядом должна быть дорога.

– Это верно. Только вы, ребята, сильно уж уклонились. Но ничего, распогодится, я сам вас выведу. Меня Ватару зовут, а вас как называть?

– Меня Масаша, а его, – Хизаши указал на Кенту, – Акира.

– Будьте моими гостями, – развел руками Ватару и опустился возле клетки с духами. Только это была уже не клетка, а обычный очаг в земле. Хизаши притворился, что и прежде видел лишь его, да и Кента молодец, ничем себя не выдал. Сели с трех сторон от огня, Кента и Хизаши поближе друг к другу, а хозяин – напротив.

– Зачем же вам в город? – полюбопытствовал Ватару.

– Фестиваль посмотреть, – ответил Хизаши. – Слышали мы, по весне, вот скоро совсем, там праздник с ярмаркой устраивают.

– А не боитесь колдунов? Там же рядом их школа.

– А чего их бояться? – простодушно ответил Кента. – Им людей убивать нельзя, а мы люди простые. Поглядим на красоту и восвояси отправимся.

Хизаши мысленно похвалил его, и за сообразительность, и за то, как ловко он играл. Еще один очень внезапный талант Куматани Кенты.

– Да, людей они не трогают, – покивал Ватару и нехорошим взглядом скользнул по Хизаши. – А вот кто докажет, что, скажем, ты, Масаша, человек?

– С чего бы мне кому-то это доказывать? – фыркнул он. – Пускай они доказывают обратное.

– Забавные вы, – широко улыбнулся Ватару. Пожалуй, даже слишком для человека.

– А ты еще забавнее, друг, – сказал Кента. – Что за странное местечко ты выбрал для жилья? Чем колдунов бояться, лучше бы диких зверей поостерегся или, вон, ливней. Не протечет крыша-то?

– Не протечет, – отмахнулся Ватару. – А мне здесь хорошо, привольно жить. Охочусь, зверье и шкуры продаю, на то и существую. Мало, что ли, нас таких по всей империи?

Хизаши безразлично пожал плечами. Кого-то лживые слова и успокоили бы, но не его. И хорошо, что Кента перестал слепо верить всему, что ему говорят и показывают. Стоит ли за это благодарить госпожу замка Мори, но теперь в глазах Кенты стало чуть больше подозрения, чем прежде.

Ватару достал из мешка сверток, развернул и принялся есть что-то, похожее на кусок мяса. Им не предложил, и Хизаши не собирался его осуждать – уж больно запах неприятный, будто подгнивший. Кента тоже наморщил нос и принялся осматриваться, нет-нет да косясь на содержимое свертка.

Закончив есть, Ватару собрался вздремнуть. Дождь и не думал стихать, вроде бы даже гроыхнуло вдалеке, наверное, впервые в этом году.

– И вы не сидите, – посоветовал Ватару, укладываясь у стены ближе к выходу, и его длинные тощие ноги легли точно перед ним, преграждая путь. – Дождь к ночи не закончится, да и потом куда вы пойдете в темноте? Почва здесь местами топкая, а после такого ливня вообще не пройдешь. Утром отправитесь. Никуда ваша ярмарка за ночь не денется.

Закончив говорить, он лег на спину и почти мгновенно заснул.

Кента посмотрел на Хизаши, и тот поманил его пальцем.

– Кто это может быть? – шепотом спросил Кента, и Хизаши склонился к самому уху, чтобы ответить.

– Не знаю. Но ел он явно не случайную белочку.

Ватару мерно дышал, вытянувшись во весь рост, грива черных волос закрывала пол лица, собираясь вокруг шеи сваленным воротником. Кента потянулся было за талисманом, чтобы определить, кто перед ними, ёкай, злой дух или демон, но Хизаши взял его за запястье и покачал головой.

– Я тебе и без этого скажу. Ёкай это. И от него мертвечиной несет.

– Людоед? – ужаснулся Кента.

Хизаши кивнул.

Так близко от великой школы оммёдо и экзорцизма и впрямь водилось мало по-настоящему опасных для людей существ. Кто-то сам боялся попасться, кого-то отловили по просьбе местных жителей. Но порой забредали новые смельчаки, и пока никто на них не жаловался, Дзисин незачем было бегать по лесам и полям. Кента, скорее всего, подумал о том же, потому как нахмурился – сурово так, с осуждением.

А время шло, качались над крышей макушки деревьев, приближался вечер, а Ватару так и продолжал спать, будто не догадывался, что рядом аж целых двое учеников-экзорцистов. А может, и правда не догадывался, хотя... Хизаши на миг почудилось, что при первом взгляде Ватару его заподозрил, даже намекнул словами, но могло и показаться. И пусть в колдовском тепле Хизаши отогрелся, он помнил ощущение холода, въедавшегося в самые кости, поэтому не предлагал уйти, пока Ватару спит.

Еще Мацумото Хизаши от лесных ёкаев не бегал!

Он скрестил ноги и, упершись одним локтем в колено, прикрыл глаза и сквозь ресницы наблюдал за выходом. Кента рядом тоже зашуршал, потом затих и задышал почти столь же медленно и ровно, как спящий, но оставаясь начеку. Впрочем, долго так продолжаться не могло, и в один момент Хизаши обнаружил, что проснулся, хотя и не заметил, когда заснул.

Удушающий жар перепуганных цурудэ-би чуть поутих, сменившись приятным расслабляющим теплом. Их полет за тонкими стенками из бумаги был не слышим ухом, снаружи не хлестал дождь и не свистел ветер. В тишине только сонно сопел Кента, тоже потерявший бдительность. Он лежал на боку, уткнувшись макушкой Хизаши в бедро, а тот как сидел, так и продолжал сидеть.

Но кое-что изменилось.

– Эй! – не забываясь о тишине, Хизаши потрепал Кенту за плечо. – Хватит дрыхнуть, все проспал уже!

Кента, стоит отдать должное, проснулся мгновенно, не задавал глупых вопросов, даже следа сонливости не осталось на его лице, стоило ему сесть.

– Где Ватару?

– Хотел бы и я знать.

Они в один взгляд изучили все помещение, но Ватару тут просто негде было спрятаться. Хизаши подобрал брошенный им сверток с остатками трапезы и сунул за пазуху на всякий случай.

Кента решительно взял фонарь с духами и направился к выходу.

– Если он сбежал, кто-то может пострадать, – сказал он, выбираясь из землянки. – Людоед обосновался опасно близко к городу, а там никто же не подозревает о нем. Он слишком похож на человека.

– На оборванца, ты хотел сказать.

– На ком-то вроде него как раз и не будут подолгу задерживать взгляд, – здраво рассудил Кента. – Идеальная маскировка.

Хизаши покивал. Да уж, кем бы этот Ватару ни оказался, рано или поздно кому-то придется его ловить. И хорошо если не им двоим.

– Слу-у-у-шай! – протянул он, в восторге от своей идеи. – Давай изловим его и сделаем меч для тебя.

– Почему для меня? – насторожился Куматани.

– Давай-давай, не будем медлить, – подтолкнул его в спину Хизаши.

Уж очень не хотелось потом заниматься этой работой, да и любопытно: если безобидный усаги оказался «неподходящей» добычей, то что станет делать Кента, поймав Ватару? Тоже сочтет не тем, что надо?

Земля вокруг их временного убежища пропиталась влагой до такой степени, что по ней проще было скользить, чем идти. Жидкая грязь разлеталась веером брызг, пачкая и без того пострадавшую одежду, с веток срывался каскад крупных капель и так и норовил попасть за воротник. Более неподходящих условий для охоты на ёка не придумаешь. Хизаши достал из-за пояса веер и раскрыл, на всякий случай собирая в нем энергию ки заранее. У Кенты был с собой нож с рукояткой в форме медвежьей головы, Хизаши видел, как он несколько вечеров перед сном выстругивал ее своими руками.

Наверное, в школе не ожидали, что ученики влезут в крупные неприятности.

– Надо придумать, как выйти на его след, – Куматани полез за пачкой талисманов. Она была не то чтобы очень толстой и разнообразной – стандартный набор младшего ученика школы оммёдо, огненные офуда, офуда для определения типа существа, барьеры-доуман да тот самый единственный талисман-ловушка. Были еще заклинания, выученные наизусть, но кто знает, хватит ли этого арсенала против Ватару?

– Я попробую, – решил Хизаши и вытащил сверток Ватару.

– Что там?

Хизаши положил его на ладонь и развернул. Кенту передернуло от отвращения, да и сам Хизаши, пусть и догадывался, неприязненно скривился.

– Детские косточки, полагаю, – сказал он, разглядывая следы зубов на них и смердящие остатки мяса.

– Он ел это прямо при нас! Как у него наглости хватило?

– Наверное, проверял, такие ли мы простаки-путешественники, или притворяемся.

– И как думаешь, он понял?

Хизаши поднес сверток ближе к лицу, прошептал заклинание, которое не преподавали в Дзисин, а после помахал над косточками веером. Медленно в воздухе сформировалось облачко голубоватого дыма, превратилось в комок нитей, они зашевелились в поисках направления, а после слились в одну. И она уже потянулась куда-то за деревья.

Кента не стал спрашивать, как это так получилось, просто поспешил по призрачному следу, а уже скоро чудом затормозил перед неглубоким оврагом с пологими склонами, после дождя сделавшимися особенно опасными и непредсказуемыми. След нырнул туда и растворился во тьме.

– А вот и наш Ватару нашелся, – сказал Хизаши, обладавший куда более острым зрением, для него ночная тьма не была такой непреодолимой преградой, как для простого человека. – Надо бы посмотреть поближе.

Хизаши собрался прыгнуть, и Кента остановил его со словами:

– Подожди, возьми фонарь.

Хизаши отмахнулся и, оказавшись на дне прогалины, первым делом убедился, что больше ёкаев поблизости нет, а потом уже веером сдул с тела Ватару налипшую листву.

– Ну что там? Это он? – спросил Кента, вытягивая руку с мечущимися в клетке древесными огоньками.

– Он, – ответил Хизаши мрачно. – Да не весь.

Хизаши смотрел на идеально ровный и не кровоточащий срез на шее бездыханного тела, словно голову отделили от туловища раскаленным мечом. Хотя насчет бездыханности Хизаши поторопился – грудь Ватару слегка вздымалась и опадала, но от кожи исходил совсем не живой холодок.

– Я спускаюсь, – предупредил Кента.

– Нет. Стой на месте и смотри в оба, у нас тут хи...

Договорить он не успел: почувствовал порыв ветра за спиной, но едва начал оборачиваться, как что-то с силой влетело ему в поясницу. Хизаши споткнулся о тело и упал точно на него, от неожиданности выронив своей драгоценный веер. Это нечто пронеслось над ним

и рвануло вверх, к Кенте. Хизаши попытался встать, но ладони разъехались на жидкой грязи, хвост волос упал прямо в лужу и зацепился за корягу. Твердое и холодное тело под ним тоже ничуть не помогало.

– Это хитобан²¹! – заорал Хизаши, едва не захлебнувшись дождевой водой.

Предупреждение, правда, запоздало. Еле выпрямившись, Хизаши увидел, как катится по склону и рвется бумажная клетка, и получившие свободу древесные огоньки разлетаются по округе, всего на несколько мгновений ярко осветив овраг и то, что было выше. На фоне серого клочка неба в просвете между макушками деревьев зависла отвратительного вида человеческая голова, парящая на огромных ушах. Ее светящийся красным взгляд был поистине преисполнен злобы. А потом голова взмахнула ушами-крыльями и ринулась прочь, оставляя за собой лишь алый росчерк.

Кенты видно не было.

Хизаши кинулся на поиски веера. Наконец на глаза попался краешек белой бумаги, и Хизаши трясущимися руками вытащил духовное оружие из лужи, отряхнул и попытался протереть краем мокрого, не менее грязного, хаори. И только потом снова посмотрел вверх, где уже никого не ощущалось.

Вообще не все хитобаны были людоедами, многие питались мелкой живностью, даже насекомыми, но если уж один из них дорывался до человеческой плоти, больше не мог противиться искушению отведать еще и еще. Вот откуда на теневой стороне примерещился Хизаши тот след – Ватару был ёкаем, свернувшим на темный путь. А значит, не исключено, что после новорожденных младенцев и маленьких детей он захочет полакомиться учеником оммёдзи.

Кента в опасности!

Хизаши одним прыжком выбрался из ямы и настороженно огляделся. Творить следящие заклинания не было времени, и он выпустил наружу те остатки змеиной сущности, что в нем дремали. Желтый глаз легко прорезал пасмурную тьму, а сила забурилась в животе, напоминая, что долго человеческому телу с ней не сладить. Но Хизаши уже определился с направлением и побежал, ловко уклоняясь от метящих в лицо веток. Вдруг воздух засвистел, и разъяренная голова, неестественно широко распахнув пасть, нацелилась на Хизаши, опалая смрадным дыханием. Хизаши резким движением веера прочертил линию между собой и ёкаем. Хитобан напоролся на невидимую стену и отлетел, переворачиваясь в воздухе и хлопая ушами, чтобы вернуть равновесие. И это могло бы показаться смешным, если бы не вызывало омерзение. Черты Ватару исказились, стали угловатыми, острыми, будто отделившись от тела, голова потеряла большую часть жизненных сил, и посеревшая кожа натянулась на черепе, рот превратился в широкую щель, почти лишенную губ. Зато зубы имелись в достатке – желтые, острые, крупные, как у волка или собаки. Такими только рвать на части несчастную жертву.

– Где Кента?! – грозно потребовал ответа Хизаши. – Говори, не то хуже будет.

Хитобан завис перед ним, сверкая красными глазами.

– Наврали-таки, – проскрипел он, с трудом справляясь с жуткой пастью.

– Можно подумать, тебя зовут Ватару. Не смеши меня, уродец! Так что ты сделал с Кентой?

Голова взмахнула ушами, вмиг поднявшись ввысь, откуда насмешливо смерила Хизаши взглядом.

– Что, тоже хотел его сожрать? – спросил он и издал мерзкий смешок.

– Ты...

Хитобан снова хихикнул и сделал круг над Хизаши. Тому бы попробовать сбить наглеца, но в руках откуда-то взялась предательская слабость.

²¹ **Хитобан** – ёкай в облике человека, у которого по ночам отделяется голова и летает отдельно от тела.

– Вкусный мальчик! Сытный мальчик! – дразнил хитобан. – Мне его мясца надолго хватит.

– Заткнись, убожество! – взревел Хизаши и взмахнул веером. Но прежде чем волна свободной ки достигла ёкая, в него попала тяжелая ветка и отбросила в сторону, а удар Хизаши нанизал ее ухом на выступающий сук. Хитобан завизжал и разразился грязной бранью. Задержался, пытаясь сорваться, но ухо застряло крепко.

– Хизаши!

Откуда-то выскочил весь покрытый грязью Кента, и только улыбка облегчения выделялась на его чумазом лице.

– Это и впрямь хитобан, ты оказался прав.

– Там лежало живое тело без головы, разумеется, я прав, – фыркнул Хизаши и обвиняюще ткнул в Кенту пальцем. – Ты почему исчез без предупреждения? А если бы тебя втихую обкусали? Что мне потом было Морикаве говорить? Что тебя съела чья-то голова?

Кента смущенно почесал затылок.

– Об этом я не подумал, но хитобан уволок меня, было особо не до предупреждений, прости.

– Да хорош трепаться! – перебил дурным голосом Ватару. – Слушать противно! Развели тут сопли!

Хизаши демонстративно хрустнул пальцами.

– Надо добить поганца, – обратился он к Кенте. – Пока он еще кого не уволок.

Кента потер плечо, и запахло кровью – похоже, его тащили по лесу, вцепившись зубами в тело, что, впрочем, понятно. Других вариантов у летающей головы не было.

Отвлечшись на мгновение, они упустили момент, когда хитобан особо сильно дернулся и, оставив кусочек уха на сучке, вспорхнул в небо и был таков.

– За ним! – крикнул Кента и рванул через кусты.

Эта была самая странная погоня в человеческой жизни Хизаши, потому что преследовать по ночному лесу после дождя раненую голову ему точно никогда не приходилось. Хитобан периодически гаденько смеялся, ловко пролетая между ветвей. Мокрая одежда больно стегала по коже, и тело, не имевшее такой развитой мускулатуры, как у Кенты или тем более Мадокки, откровенно не справлялось. Хизаши начал задыхаться, вместе со звоном в ушах до него дошла и простая истина – зачем преследовать голову хитобана, если можно вернуться и добить не сопротивляющееся тело? Недаром Ватару оставил его в овраге, где его сложно было случайно обнаружить.

– Стой! – скомандовал он, но Кента уже скрылся в ночи. – Да стой ты, *они* тебя раздери!

Дыхание вырывалось со свистом, к тому же Хизаши изрядно замерз, потом согрелся, потом взмок от бега и снова начал мерзнуть. Так и слечь недолго, несмотря на нечеловеческую природу и навыки самоисцеления. Куматани не возвращался, и Хизаши нехотя пошел дальше, но уже с оглядкой, досадуя, что повел себя как малолетний болван, а не хэби, повидавший на своем веку поболее многих экзорцистов.

Он внимательно всматривался во мрак, который становился все гуще, хотя облака уже расходились, и даже проглянул звездный свет. Ан нет, вдруг на верхушки деревьев будто полог накинули, так стало непроглядно и жутко. Хизаши нахмурился, но не рискнул доставать огненный талисман – слишком велика возможность привлечь нежеланное внимание. Однако даже его зрения не хватало, чтобы понять, насколько далеко вглубь леса их двоих занесло.

Вдруг впереди раздался треск потревоженного валежника. Хизаши вскинул руку с веером, но в не пойми откуда взявшемся тумане возникла человеческая фигура и голосом Кенты покаялась:

– Не догнал, он будто в воздухе растворился. Странное тут местечко...

Хизаши был с ним согласен: жар погони схлынул, и теперь все чувства буквально вопили об опасности. На темном небе ни единой звездочки, по земле клубился туман, а деревья уродливо искривлялись, растопырив голые сучья и переплетаясь ветвями друг с другом будто в объятии. И тут как пелена спала с глаз – Хизаши понял, что они зашли на проклятую землю.

– Немедленно возвращаемся.

– А как же хитобан...

– В Ёми хитобана! – взъярился Хизаши. – Оглядишься вокруг.

Куматани послушался не сразу, и так же не сразу его лицо изменилось от открывшегося ему вида.

– Но как же так? Это был обычный лес!

– Был, да тэнгу унесли, – огрызнулся Хизаши, нервно озираясь. Проклятая земля опасна не только для людей, бывало даже старые ёкаи оставались в ее ловушке навсегда.

– Ты можешь объяснить, где мы и что случилось?

Хизаши закатил глаза, схватил Кенту за локоть и потащил за собой, стараясь идти по своим же следам.

– Если в каком-то месте произошло что-то очень нехорошее или долго творились дурные дела, оно запоминало все и становилось проклятым. Ками и духи уходят отсюда или умирают, и любой, кто задержится на проклятой земле, рискует не выбраться. Доступно объяснил?

– Ты знаешь очень многое.

– Поживи с мое, – рассеянно ответил Хизаши, не задумываясь, как это звучит из уст юноши, на вид едва достигшего двадцатилетия.

Кента промолчал и быстро перебирал ногами, пока следы, оставленные Хизаши в грязи, не исчезли, а потом не возникли вновь, но вели уже не прочь, а в направлении проклятого места. Хизаши пробил холодный пот.

– Демоны Ёми! – выругался он. – Попались-таки ...

Он отпустил Кенту, и тот прошел вперед, чтобы убедиться – они вернулись к началу. Только вот круга они не делали, он бы заметил.

– Тогда и хитобан тоже здесь, с нами? – спросил он.

– Нашел, о чем думать? Скажи еще, собираешься его спасти. Нас сначала спаси, если сможешь.

Кента достал огненный талисман и поводил вспыхнувшей негасимым пламенем бумажкой по сторонам. Хизаши добавил своей ки, чтобы света стало больше, и им открылось подлинное уродство исковерканного проклятием леса. Деревья лишились листвы, но стояли так плотно, перепутавшись ветвями, что сквозь их заслон ничего нельзя было разглядеть. С них то тут, то там свисали подозрительно бордовые крупные плоды на тонких гибких стеблях, а коренастые стволы покрывал коричневый мох и паутина колючего вьюна.

– Ужасно, – выдохнул Кента.

– А я тебе о чем?

– Ужасно, что лес так мучается. Ведь в каждом дереве есть душа, свой ко-дама. Что с ними случилось теперь? Они мертвы? Или были вынуждены уйти?

Хизаши не мог признаться: он видит ко-дама, только Кенте об этом лучше не знать, ведь души деревьев никуда не ушли. Но и нельзя сказать, что они погибли.

– Если мы не хотим тоже мучиться, надо найти способ выбраться, – Хизаши заскользил взглядом по сторонам. Мысли его донимали самые мрачные. – В любом случае, бесполезно просто стоять. Поищем хитобана, если он здесь. Уж он-то может что-то знать об этом проклятом месте, раз жил неподалеку.

Кента кивнул.

– Лучше что-то делать, чем не делать ничего, – согласился он и указал рукой. – Пойдем туда.

– Почему туда?

– Деревья там уродливее, а темнота темнее, – удивил Кента. – Если уж мы не смогли уйти, идя обратно, может, стоит сделать наоборот?

– Пойти к центру, к самому источнику скверны, – подхватил Хизаши, немало пораженный ходом мысли Куматани. – Из этого что-то может и выйти...

Они поступили, как договорились. Воздух довольно скоро сделался спертым, душным, с запахами гнили и болотных испарений. Хизаши решил использовать веер по прямому назначению и помахивал им возле носа, разгоняя вонь. Кента крепился, но все равно морщился.

– Отчего этот ужасный запах? – спросил он. – Неужели болото?

– Не думаю, что это пахнет что-то материальное, – уклончиво ответил Хизаши.

– Помнишь, когда мы были в замке Мори, Арата рассказывал про особую ауру негодования, которая образуется из человеческих чувств, и она распространяется вокруг человека, и другие могут ее ощущать? Получается, эта вонь – негодование земли?

Удивительно точное сравнение, Хизаши похлопал бы, да рука занята.

– Я особо не вдавался в теорию, – признался он, – просто... попадалось как-то на пути.

– Тебе многое попадалось, – заметил Кента в очередной раз. – Интересной жизнью ты жил до Дзисин.

– Да уж не жаловался, – фыркнул Хизаши. – А ты иди-иди, не отвлекайся. Любопытство до добра не доводит.

Кента замолчал, но Хизаши вскоре вынужден был признать, что идти в тишине вдвойне неуютно, ведь тогда она становилась особенно явной. Ни птиц не слышно, ни насекомых, духи не переговариваются в ночной темноте на только им понятном языке, даже ветер не шелестит молодой листвой – ее тут попросту нет. Казалось, уши закладывает от такого искусственного безмолвия. Хизаши покосился на Кенту, но тот сосредоточенно, как и велели, смотрел под ноги.

Хизаши не солгал, что встречал подобные места прежде, вот только тогда он не был человеком, да и место то – заброшенная деревенька – послабее оказалось. Впрочем, имелась там хижина на отшибе, источник проклятия, и в ней завелось нечто. Ни ёкай, ни демон – у него даже сознания своего не было, в отличие от аппетита. Хизаши тогда насилу уполз, но запомнил ощущения.

– Здесь может быть какое-нибудь чудовище, – сказал он.

– Я бы не удивился, – с несвойственной ему иронией ответил Кента. – Я не дурак и могу догадаться, что в таком отравленном злой энергией месте что-то да зародится.

Хизаши открыл было рот и... закрыл.

Впереди послышалось хлопанье крыльев и человеческий голос.

Хизаши и Кента переглянулись и подумали об одном и том же – хитобан. Поспешили на звук и вскоре увидели, как голова с косматыми волосами бьется в силках из колючего вьюна. Плетей его, до того обнимавшие мшистый ствол, шевелились, точно живые, и накидывали на жертву все новые и новые петли. Крылья-уши отчаянно трепыхались, но не могли вырвать голову из плена.

Даже Кента застыл, не ринувшись тут же его спасать.

– Помогите! – закричал ёкай, увидев их двоих. – Да чего вы встали?! Освободите меня!

– С чего бы? – хмыкнул Хизаши, лениво обмахиваясь веером, а на деле концентрируя в нем свою ки. – Ты собирался сожрать моего товарища, да и меня наверняка тоже. А скольких уже сожрал? Детишки не молили о пощаде? Вот, смотри, боги тебя и покарали.

Голова забилась сильнее, но будто в ответ на сопротивление вьюна сжал смертельные объятия, и шипы глубже вошли в плоть. И Кента рядом тихо охнул – тонкие стебельки растения запульсировали красным, и стало видно, как по ним из хитобана утекает кровь и энергия.

– Что это за мерзость такая? Она питается им!

Хизаши тоже заметил и порадовался, что никому из них не пришла в голову самоубийственная идея подойти к деревьям поближе. Лучше уж хитобан-людоед, чем они.

Ватару понял, что помощи не дождется, и принялся грязно ругаться, однако недолго. Висящий веткой ниже бордовый плод зашевелился, длинный стебель извернулся, поднимая его вверх, и плод медленно раскрылся, как огромный бутон. Пахнуло сырым подгнившим мясом, и из сердцевины «цветка» показался крохотный человечек с полупрозрачной серой кожей. Он высунулся по пояс, потянулся к хитобану, и тот заорал во все горло, предчувствуя свою смерть.

Хизаши не успел и дернуться – причем в обратную сторону, – как мимо пролетел бездвигивающий талисман и угодил точно на спину жуткого человечка. Лепестки схлопнулись, и плод уныло обвис, а плети выюна ослабили хватку. Хитобан почувствовал свободу, рванулся из пут, но едва отлетел от дерева на пару шагов, камнем рухнул на землю.

Хизаши опасливо приблизился и легким пинком откатил голову подальше.

– Ну вот, нашли мы его, и что теперь делать? – проворчал он, косясь на застывший плод на мертвом дереве. – Это была твоя идея, так что...

Он заметил, что Кента все так же стоит на месте, словно замороженный недавно представшей перед ними картиной. В лице ни кровинки, да и, впрочем, много ли в ночи разглядишь?

– Кента! – позвал Хизаши и, решив, что хитобан в таком состоянии далеко не улетит, подошел ближе. – Кента, хватит.

Он толкнул его в плечо, на что Куматани медленно поднял на него пустой взгляд.

– Это же не ко-дама? – спросил он, имея в виду души деревьев, которые, как известно, рождаются и умирают вместе с деревом. – Эти... Они же не могли стать такими?

Серые уродливые человечки как будто выбрались из самых темных глубин Ёми, где даже света от демонических костров никогда не бывало. Чтобы опознать в них ко-дама, надо обладать особыми способностями, и Хизаши бросило в жар.

– С чего ты взял? Разве они похожи на них?

Кента помотал головой, сжал пальцами виски и глухо произнес:

– Не надо врать. Ты знаешь, что души деревьев не погибли, а переродились в этих чудовищах.

– И что? – бросил Хизаши уже другим тоном. – Какое это сейчас имеет значение? Я объяснил тебе, насколько может быть опасно проклятое место. Или ты совсем испугался?

Он протянул руку, чтобы хлопнуть Кенту по спине, но тот с силой оттолкнул Хизаши.

– Здесь все страдает, понимаешь? Все вокруг мучается! Разве ты не чувствуешь?!

Хизаши медленно выдохнул, потом сложил веер и хлестко ударил им Кенту по щеке. На коже сразу появился багровый след.

– Перестань орать на меня, – холодно произнес он. – Возьми себя в руки, или я брошу тебя и пойду дальше сам. Решай.

Глаза Кенты расширились от боли и удивления, но потом прояснились, посветлели. Он потер щеку и походя коснулся нитки бус на шее в поисках успокоения. Хизаши охнуть не успел, как Кента низко склонился перед ним.

– Я прошу прощения за свою несдержанность! Мне стыдно, что я так опозорился в твоих глазах, Хизаши-кун. Я повел себя недостойно.

– Эй-эй! А ну-ка выпрямись, нашел время расшаркиваться. – Хизаши замахал руками. – Пока мы тут стоим, рискуем в любой момент стать новой добычей для...

Он не закончил. Кента перестал гнуть спину и посмотрел мимо Хизаши, где пришел в себя хитобан Ватару. Он задергался, неловко пытаясь взлететь, но раненое ухо плохо слушалось, да и силы ёкая, чье тело осталось настолько далеко от головы, были на исходе. Хизаши склонился над несчастным и погрозил веером.

– Что, долетался?

Голова грозно зашипела, клая зубы, но уже не выглядела такой уж опасной.

– Отчего появилось проклятое место посреди леса, отвечай немедленно, – потребовал Хизаши.

– Почем мне знать? – огрызнулся Ватару.

– А кто должен знать? Я? Я, что ли, прячусь тут от экзорцистов?

– От вас спрячешься, как же, – зло пробормотал Ватару. – Вы точно крысы, всюду просочитесь, если жертву почувствуете.

– А разве не ты больше похож на крысу? – фыркнул Хизаши и поддел голову носком сандалии. – Грязный, противный, делаешь набег на человеческие поселения, чтобы урвать кого слабого да больного. Может, мне тебя еще и пожалеть надо?

– Да провались ты в Ёми! – рыкнул Ватару.

Кента тронул Хизаши за рукав.

– Не время выяснять, кто из нас честнее или правее, – сказал он. – Если не сумеем выбраться из ловушки, все втроем погибнем. Если знаешь, как нам спастись, скажи, а я обещаю, что вынесу тебя отсюда.

– Сладко поешь, парень, – оскалился хитобан. – Не в пример своему дружку, Масашу. Или как там его?

Хизаши поднял ногу, и Ватару зажмурился. Хотя бить его Хизаши и не собирался, так, припугнуть.

– Пока в Дзисин не знают о твоём существовании, у тебя есть шанс уйти подальше. Только поклянись, что не станешь больше есть людей, – сказал Кента, чем очень удивил Хизаши. Где это видано, чтобы он предлагал людоеду-детоубийце избежать наказания? Да и во вранье Кента доселе замечен не был. Нежели готов поступиться совестью ради их общего спасения?

Очень интересно.

– Допустим, я вам поверю. Все равно мне особо сказать нечего. – Хитобан замолчал, задумавшись. – Разве что...

Пока он размышлял, то ли время тянул, то ли правда вспоминал, Хизаши огляделся на всякий случай и поёжился. Они всего ничего пробыли на проклятой земле, а она уже начала вытягивать из них силы. Энергия ки внутри потекла медленнее, неохотнее, так скоро и совсем замрет – тогда не то что нападать, даже защититься в случае чего не получится. К тому же тишина и напряжение, разлитые в душном воздухе, изводили нервы, обостряли чувства, толкая на необдуманные поступки и на не менее необдуманные слова.

– Слышал я, – подал наконец голос Ватару, – в здешних лесах как-то люди поселились, давным-давно, меня тогда еще и не было даже. Лет двести назад, а может, поменьше чуток. Вроде бы поклонялись они какому-то демону, жертвы приносили людские, всех лесных духов распугали. Только случилось что-то, не знаю, но ушли те демонопоклонники. Но зим пять назад тут чужаки забредали, я мимо пролетал, но близко подобраться не решился. Они несли с собой груз, опечатанный бумажными талисманами. Мне с оммёджи сталкиваться ни к чему, сами понимаете, я решил, это в Дзисин путь держат, и затаился от греха подальше. А вот сейчас подумал, ведь не в сторону горы они шли, а даже совсем наоборот.

– Они что-то принесли в лес? – уточнил Хизаши.

– А я тут о чем толкую? Мне в чащобе делать нечего, но вы тело мое нашли, повезло, что сразу не сообразили от него избавиться. – На этих словах Хизаши едва не покраснел от стыда. – Пришлось вас подальше уводить, а там и сам не понял, как вляпался.

Ватару угрюмо замолчал, явно вновь переживая смертоносную хватку выюнов.

– Хотел нас перехитрить, а сам себя обманул, – поиздевался Хизаши, не утерпел. – И что же? Есть предложения, как теперь быть?

– Вы экзорцисты, вы и думайте.

Больше от ничего полезного не сказал, но и улететь не пытался. Кента снял хаори, связал рукава и в образовавшийся мешок уложил хитобана, а после закрепил за спиной. Хизаши бы

бросил гаденыша, но Кента был тверд в своей упрямой верности слову. Так и пошли дальше, в самую глубь проклятого места, с каждым шагом ощущая все большую тяжесть на плечах, но еще тяжелее становилось на душе. Хизаши шел чуть впереди, будучи налегке, как вдруг левый, человеческий, глаз пронзила боль, да так внезапно, что оступился и едва не упал в грязь. Миг – и все прошло.

– Осторожнее! – воскликнул Кента и протянул руку, но Хизаши отшатнулся от нее, как от огня. Он чувствовал себя странно, в груди билось медленнее, а ноги заметно ослабели. А еще он перестал ощущать холод.

– Становится мрачнее, – сказал Кента, убрав руку. – И смотри, как густо здесь растут деревья. Нехорошо будет, если заденем эти странные штуки.

Он уклонился в сторону, чтобы пропустить над плечом низко висевший плод. Тот вблизи слабо пульсировал и пах сырым мясом. Хизаши чуял этот запах острее обычного и сглотнул слюну.

– Эй, вы уж там поаккуратнее, – подал голос Ватару. – Обещали вынести меня, так выносите.

– Заткнись, – прошипел Хизаши и испуганно стиснул зубы.

Кента посмотрел на него, но ничего не сказал.

Земля в какой-то момент стала сухой, серой и потрескавшейся, сквозь разломы вылезали тонкие извилистые корни. Чтобы не угодить в ловушку, ничего не задеть, ни на что не наступить, приходилось буквально просачиваться между ветвями. Даже Ватару затих, не возмущался, когда Кента резко наклонился, заставляя его бултыхаться в импровизированном мешке.

Друг с другом Хизаши и Куматани тоже не разговаривали, сил оставалось мало, не хотелось тратить их попусту. Никто из них не представлял, что станет делать, когда доберется до центра проклятого места, к такому их в Дзисин не готовили. А меж тем дышать стало невыносимо из-за едких паров, которые выпускали при «вздохах» плоды с измененными ко-дама. Хизаши и вообразить не мог, что практически под боком у величайшей из трех великих школ оммёдо и экзорцизма образовалось нечто настолько злое и омерзительное. Даже ему, двухсот-летнему ёкаю, хотелось оказаться подальше. Он украдкой бросил взгляд на сосредоточенный профиль идущего рядом Кенты: губы плотно сжаты, подбородок опущен, глаза настороженно прищурены.

– Мы уже близко, – счел нужным сообщить Хизаши, не признаваясь себе в том, что немного виноват пред Куматани, не стоило на него шипеть.

– Я чувствую.

И все. Не то чтобы время и место располагали к душевным беседам, но Хизаши мерещилась неприятная холодность. Или это проклятая земля так влияет на сознание? Все подобные аномалии были разными, пусть и подчинялись схожим законам. И живым тут делать нечего, даже если не все из них до конца люди.

Впрочем, как раз в этом и загвоздка. Хизаши казалось, что он... становится немного больше ёкаем, чем человеком. И его бы это даже обрадовало – в иных обстоятельствах. Может, и хорошо, что Кента смотрит только вперед и под ноги и не вглядывается, как обычно, в лицо собеседника.

Хизаши окончательно запутался в мыслях, тяжело вздохнул и споткнулся.

– Хизаши!

Кента схватил его выше локтя, случайно задирая рукав хаори. Мелькнуло запястье, которое языкастый Мадока в гневе именовал не иначе как «женским», и на светлой коже Хизаши с ужасом увидел чешуйки. Маленькие, перламутрово мерцающие, очень красивые, они бы сделали честь любой белой змее – посланнице богов. Хизаши отдернул руку и спрятал заодно затвердевшие вытянувшиеся ногти.

Кента посмотрел в упор, и некуда было деться от его взгляда, только защищаться ядовитыми словами, но едва он решил открыть рот, как ощутил осторожное, почти нежное, прикосновение к шее, а потом кожу проткнул острый шип!

Кента мигом сбросил мешок с хитобаном на землю и кинулся голыми руками разрывать змеящиеся побеги вьюна, уже почуявшие свежую кровь. И пусть она была обычной, красной, а не золотой как после соприкосновения с Тайма-но кэн, легче Хизаши от этого не стало. Помогая Кенте резать плети острой кромкой раскрытого веера, он вымещал злость – только брызги летели. Они это не сразу заметили, а заметив, брезгливо отшатнулись – из полых стеблей хлынула смердящая жижа, похожая на застоявшуюся кровь.

– Фу, какая мерзость, – пожаловался Хизаши, безуспешно пытаясь оттереть грязь с лица и груди. Под ногами заворочался хитобан.

– Эй, – позвал он тихо. – Выпустите меня. Выпустите меня живо!

Он отчаянно забился и выбрался-таки из складок скрученного хаори. Взмахнул ушами и, едва держась в воздухе, ринулся прочь. Кента проводил его взглядом.

– В чем дело? Куда он собрался? Разве мы не договорились...

– Тсс, – Хизаши без лишних слов зажал ему рот ладонью. – Прислушайся.

Кента часто заморгал в знак понимания, и Хизаши убрал руку. Там, откуда они пришли, слышался нарастающий гул. В царстве мертвой тишины он оглушал, несмотря на расстояние, хотя оно довольно быстро сокращалось. А потом к нему добавился треск ломаемых деревьев. Кто или что способно прокладывать себе путь таким образом? Хизаши был умным, старым и сильным хэби, но все же оставался змеем, и сталкиваться с чем-то, способным валить лес, ему не хотелось.

– Бежим за хитобаном, – быстро сориентировался он. – Этот ушастый подлец точно знает, как спастись.

Так это или нет, а выбор у них был невелик. Кента подобрал с земли смятое хаори и рванул прочь, Хизаши не отставал. Но и лес, будто разгадав их намерения, хватал за одежду, цеплял мелкими сучками волосы, подставлял корни и пытался достать вьюнами-венами. Кента на всей скорости сбил головой низко висящий плод, отчего тот раскрылся, и прямо перед лицом Хизаши вывалился серый уродец. Взмах веера перерезал «пуповину», и короткий взвизг быстро остался далеко за спиной. Вдруг Кента встал как вкопанный и схватился за горло. Хизаши едва не сбил его с ног, потом вернулся и дернул за плечи.

– Не останавливайся! – крикнул он. – Беги!

Но Кента тряс головой, и пальцы нервно стискивали бусины, грозя порвать связывающую их нить. На Хизаши он не смотрел.

– Ну же, не бросай меня, – прорычал Хизаши, кинул взгляд ему за спину, и волосы на затылке зашевелились от ужаса. Что-то приближалось, настигало их с неотвратимостью смерти. Хизаши тихо зашипел сквозь зубы, а когти сильно вдавились в плечи Кенты, хотя тот по-прежнему ни на что не реагировал.

– Взгляни на меня, – попросил Хизаши. – Давай же!

Кента неуверенно приподнял голову, ресницы бросали тень на кожу, и за ними невозможно было распознать чувств, но, когда Кента решился и взглянул прямо, Хизаши оттолкнул его и отшатнулся.

Со дна черных глаз Куматани на него смотрели алые огни Ёми...

Зловещее видение длилось мгновение, а после Кента моргнул, а заданный им вопрос потонул в скрежете и скрипе деревьев. Стало видно, как качаются макушки уже совсем близко, и Хизаши наплевал на все иные странности, кроме этой.

Они продолжили бегство, пока буквально в шаге от выхода на будто бы выжженную в лесу круглую проплешину ловкий корень обвил лодыжку Куматани и бросил его на землю.

Хизаши просто не смог вовремя остановиться, но, обернувшись через плечо, понял, что все равно опоздает. Ростом выше корявых коренастых деревьев, над Куматани навис огромный бакэмоно. На фоне слабо подсвеченного скрытым за облаками светилом неба он казался черной бесформенной горой с болотно-зелеными огоньками глаз. Хизаши даже со своим зрением не мог понять, что он из себя представляет, видел лишь одно: силуэт его постоянно менялся, будто перетекал, как смола.

Кента выхватил чудом не потерянный нож с медвежьей рукояткой и принялся сосредоточенно рубить пленивший его корень. Звуки ударов привлекли внимание исполина, и он будто бы сжался, прежде чем протянуть к человеку то ли руку, то ли лапу. И только тогда Хизаши отмер, взмахнул веером, и часть накопленной ки невидимым лезвием вошла в тело бакэмоно, но погрузилась в него без особого вреда. Кента изо всех сил дернул ногой и смог вырваться. Вскочил и едва ли не на четвереньках пополз к свету. Хизаши протянул ему руку, забыв о чешуйках, и Кента с благодарностью схватился за нее. И только тогда вдруг облака разошлись, и призрачное лунное сияние набросило голубоватую тень на верхушки деревьев и на монстра, вышедшего из глубин больного леса.

Его тело находилось в постоянном движении, меняя форму, от этого монстр становился то выше деревьев, то растекался вширь. Запах, что исходил от него, вызывал тошноту – прелые листья, тухлое мясо, болотные газы, сырая земля. И весь он будто состоял из лесного мусора, собранного в подобие фигуры вязкой грязью и демонической энергией. Хизаши видел ее, витающую, словно туманная черная дымка, вокруг бакэмоно. Это, должно быть, какой-то извращенный вид цукумогами²², насильно оживленные гниль и тлен. Хизаши напряг зрение и увидел в тягучей субстанции птичьи косточки, старые листья, трупки мелких зверьков, покрытые мхом сломанные ветки. Все это было мертво, а вот глаза – зеленые огни – живо высматривали добычу.

Хизаши не желал ею становиться, поэтому вздернул Кенту на ноги и подтолкнул в спину.
– Давай на открытое пространство!

Обычно это не лучшая стратегия, но монстр легко ломал стволы, и придется туго, если ноги придавит в разгар сражения. А его было не избежать, как и не уйти живыми, не победив монстра.

– Что это такое? – запыхавшись, спросил Кента. – Его создали те люди из рассказа Ватару?

– Если он не наврал, то да, – ответил на бегу Хизаши и любовно провел двумя пальцами по кромке веера. – Приготовь все, что есть.

Им двоим было не привыкать, еще будучи младшими учениками или даже воспитанниками, как в случае с Кентой, сталкиваться со страшной угрозой. Они выжили в штормовом море, где бушевал мононокэ в форме гигантского угря в маске, они убедили кидзё сдаться и спаслись из горящего замка. Но этот грязевой монстр вызывал даже не столько страх, сколько омерзение. Хизаши был перепачкан с ног до головы, да и пах, похоже, не пионами, но ему претила сама мысль приближаться к этому существу, а уж тем более, не приведите боги, прикасаться к нему.

Однако Куматани лишними предрассудками не страдал.

Он наугад выхватил талисман и, прошептав короткое заклинание, отправил его в полет. Узкая полоска бумаги с киноварными иероглифами промелькнула в воздухе и была безжалостно раздавлена сгустком грязи. У Хизаши ком подкатил к горлу, он побледнел и отступил на шаг.

– Как же с ним бороться?! – воскликнул Кента и выхватил огненный талисман, раз обездвигивающий бесславно исчез в недрах монстра.

²² Цукумогами – духи оживших старых вещей.

– Не уверен, что эта штука горит, – прокомментировал Хизаши, и они одновременно ринулись в разные стороны, спасаясь от плевка какой-то дурно пахнущей слизью.

– Его что-то держит в этой форме, – догадался Куматани и крикнул издалека: – Найди источник его силы, а я пока потяну время!

Хизаши без лишних слов бросился назад, оставляя битву на Кенту. И у него даже мысли не возникло усомниться в том, справится ли он. Справится. Но Хизаши лучше поторопиться.

Он оказался почти в самом центре участка голой сухой земли, будто бы лишенной всех соков. На ней даже просто стоять было неприятно, и силы уходили в нее вместе с желанием хоть что-то делать. Хизаши наотмашь ударил себя сложенным веером по щеке, как совсем недавно Кенту, и охнул. А больно ведь.

– Люди пришли сюда со свертком пять лет назад, – пробормотал он, стараясь не обращать внимания на грохот поваленных деревьев за спиной. – И сейчас тут образовалось проклятое место. Что? Что же они принесли и зачем?

Хизаши попытался заглянуть на теневую сторону, но не смог, словно здесь стояла защита против таких, как он. Наверное, поэтому людям, обладающим даром, и ёкаям в местах действия проклятий становилось особенно худо. Хизаши снова похлопал себя по щекам и мельком заметил, что его кисти совсем перестали походить на человеческие, пальцы удлиннились, покрылись перламутровой чешуей, когти потемнели и загнулись. Не веря себе, ощупал лицо и выругался. Человечность с него оплывала, как воск с горящей свечи, и скоро проклятое место возьмется за то, что находится под ней.

Ярко вспыхнул огненный талисман, усиленный энергией ки. Кента еще сопротивлялся, не подпуская монстра ближе, ослепляя его вспышками света и пытаясь увести дальше от поляны. Хизаши опустился на колени и прижал ладони к сухой земле. Вмиг ощущение ледящего холода, будто высасывающего все тепло из тела, проникло в него, пытаясь лишить воли. Хизаши отдернул руку и попробовал еще раз, но уже более осторожно. Определенно в этом месте под землей что-то пряталось.

– Кента! – громко позвал он. – Веди его сюда!

Ответом ему был возмущенный взгляд вспотевшего от усилий товарища. Благо у бакэмоно силы тоже оказались не беспредельны, и он больше не увеличивался в размере, впрочем, макушкой все равно достигая верхних веток. Хизаши даже начал подозревать, что не так-то он уж и страшен, как Кента подлетел в воздух и под ударом мощной руки покатился по земле, едва не сбив Хизаши с ног. Впервые существо издало звук – забулькало, как пузыри на поверхности трясины, зашипело едкими газами и замахнулось враз отросшей конечностью. Его тень упала на Кенту с Хизаши, и он увидел мутную пленку между слипшимися фрагментами, составляющими тело монстра. Похоже, внутри есть пузырь, может, он заменяет существу желудок. И в тот миг, когда кулак обрушился на землю, чудом не задев откатившихся в разные стороны юношей, стало видно, как внутри пузыря движется что-то живое. Хизаши сразу почувствовал другого ёкая, хотя до этого его ауру заглушала жуткая вонь бакэмоно.

– Ты видел? – спросил Кента, споро поднимаясь на ноги. – Надо ему помочь!

– Кому? – попытался изобразить непонимание Хизаши, но проще было сдвинуть гору Тэнсэй, чем помешать Кенте спасти кого-то. – Эй, не вздумай рисковать! Нам бы самим уцелеть!

Как только он договорил, из-под ног ушла опора. И тут же снова был вынужден скакать безумным зайцем, чтобы не попасть под удар черного кулака. Кенту он уже не видел, да и не до него стало. Земля осыпалась в пустоту комьями, трещины расходились, и тут Кента снова появился в поле зрения, но бакэмоно сгреб его в кулак. Хизаши никак не мог удержать равновесие, даже самые суровые тренировки с Сакурадой-сэнсэем не подготовили его к такой тряске. И без того слабый и неровный поток ки почти прервался, и Хизаши ничего не успевал сделать, только смотрел, как Кента силится вырваться из смертельного захвата. Его шея напря-

галась, пальцы беспомощно скребли черную жижу. Под зелеными гнилушками глаз раскрылась широкая щель, она все увеличивалась и увеличивалась, пока не стала жуткой разверстой пастью, к которой Кента быстро приближался. Все происходило стремительно и вместе с тем медленно, как игра актеров кабуки. Хизаши наконец сосредоточил ки в веере и приготовился атаковать, метя в место, где у чудища должно быть «запястье», Кента смог запустить руку за ворот и достать талисман – тот самый, для ловли ёкая к будущей церемонии. Случайность это или расчет, но Кента без раздумий активировал его. Вспыхнул яркий голубой свет. Хизаши взмахнул рукавами, закрывая глаза, и тут под ним образовалась пустота.

За миг до того, как вместе с пылью рухнуть в темноту, Хизаши ощутил прикосновение чего-то мягкого и щекотного, точно перышком провели по щеке. Течение ки вдруг выровнялось, но обрадоваться Хизаши не успел...

Кажется, Кента звал его, но после падения кружилась голова. Тут, внизу, облаком стояла земляная пыль, Хизаши с облегчением обнаружил, что не выпустил веер из руки, и помахал им перед лицом. Яснее картина не стала – высоко над головой виднелся клочок темно-серого неба в пелене облаков, вокруг ощущалось свободное пространство, полость наподобие пещеры, надежно скрытой ото всех. Хизаши поднялся на ноги, отряхнулся и позволил хэби в себе взять верх – это оказалось невероятно просто. Тогда темнота развеялась, и стало видно переплетение древесных корней, скрывающее собой небольшой предмет. Корни тянулись к нему отовсюду, будто желали непременно прикоснуться, оплести, спрятать, уберечь сокровище. Хизаши посмотрел на него и так, и этак, но ничего особенного не узрел – чем бы предмет ни был, его укрывали полуистлевшие остатки ткани.

– Хизаши! Хизаши-и-и-и!

Он посмотрел вверх и увидел на фоне неба взлохмаченную голову Кенты.

– Хизаши, ты жив?

– Не отвлекайся там! – ответил он. «И не отвлекай меня», – подумал вдогонку, но говорить не стал.

– Хорошо! – успел крикнуть Кента, но Хизаши уже забыл о нем. Загадочный предмет подстегивал любопытство. Что же там? Почему те люди из рассказа Ватару принесли его сюда и так хорошо прятали?

Хизаши очнулся, уже протягивая руку, пытаясь через крохотную щель хотя бы кончиком пальца коснуться свертка. И отшатнулся, когда под ногами громко хрустнуло. Вмиг очарование находки рассеялось, и Хизаши увидел старые кости, густо усеивающие земляной пол, человеческие и звериные черепа торчали из стен, были нанизаны на отростки корней, выглядывали из их уродливых переплетений. Хизаши шумно втянул носом воздух и тут же прикрыл лицо рукавом, который пах ничуть не лучше, но хотя бы не позволял злу влиять на разум. Перед ним был источник скверны, которая пять лет отравляла этот участок леса, пока не пропитала насквозь. Здесь нашли свое последнее пристанище не только люди и животные – Хизаши ощущал, что запертый внутри него змей шипит в ужасе, пытается предупредить, выбраться из клетки смертного тела и спастись. По спине пробежал холодок, Хизаши шагнул назад, и тут в груде корней и костей что-то шевельнулось.

– Нет! Стой! – крикнули ему придушено, когда в пальцах уже мелькнул талисман. – Это же я. Я, Ватару!

Хизаши пригляделся и впрямь увидел хитобана, стиснутого в древесной паутине. В и без того непривлекательном лице ёкая не осталось ни кровинки, нечто, чем бы оно ни было, выпивало и его силы тоже.

Хизаши опустил руку, но не расслабился.

– И что с того? – спросил он. – Мы с тобой не товарищи, не надо давить на жалость. Собаке собачья смерть.

– Освободи меня, тебе что, сложно? – заныл Ватару. – Я много знаю, могу помочь.

– Чем? Ты уже все рассказал, и легче вообще не стало.

– Тогда... тогда... – Глаза ёкая нервно забегали в поисках нужных слов. – Я знаю, зачем вы тут. Слышал, нынче юные оммёджи бродят по округе, выискивая ёкая посильнее. Могу найти вам таких, что все обзавидуются.

Хизаши брезгливо поморщился.

– Готов своих предать?

– Вам, людям, не понять, – зло буркнул Ватару. – Хотя...

Его взгляд Хизаши не понравился, и он взмахнул веером, как бы возводя перед собой еще одну стену.

– Ты бесполезен, – отрезал он. – Я заберу сверток и уничтожу, это наверняка поможет.

– И твой дружок-добрячок останется один на один с неуправляемым порождением проклятия, пока ты тут возишься. Или думаешь, это так просто, уничтожить источник?

– Монстр тоже должен исчезнуть, – не слишком уверенно заявил Хизаши. Почему-то именно в этот момент ему почудилось, что Кенте сейчас очень больно. Тряхнув головой, он прогнал наваждение.

– Тогда я скажу тебе еще кое-что, что сразу не сказал, – вкрадчиво произнес Ватару. – На этой земле приносили жертвы и до того, как пришли те люди со свертком. Они оставили его здесь, потому что земля была готова к нему.

– И что это должно значить?

– Вас совсем ничему там не учат? – воскликнул Ватару. – Если проклятие действует слишком долго, его порождения могут обрести свою волю. Не разум, конечно, но даже если ты спалишь сверток ко всем демонам, ту штуку не остановишь.

Хизаши не знал, верить ему или нет. Хитобан уже не раз их обманул, обманет и снова. Но...

– Его можно одолеть?

– Его можно отвлечь на время, – Ватару сделала паузу, хитро блестя глазами в темноте. – Если ты меня освободишь, я смогу вынести сверток на поверхность, и бакэмоно пойдет за ним, как на веревочке.

– А мы нападём сзади вдвоем и добьем его, – задумчиво закончил за него Хизаши. План был неплох, если не сомневаться в том, сколько в словах хитобана правды, а сколько лжи во имя собственного спасения. Но что Хизаши теряет? Он посмотрел вверх, туда, откуда даже не было слышно, жив ли Кента или уже присоединился к неизвестному ёкаю в желудке-пузыре.

– Та тварь питается жизненной силой и энергией ки? – уточнил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.